

ИВ. ХВОСТОВЪ

# МЩЕНІЕ

РАЗСКАЗЫ

Книгоиздательство Отто Кирхнеръ и К<sup>о</sup>. Берлинъ.

1923.

Alle Rechte vorbehalten  
Copyright 1923 by Otto Kirchner and Co.  
G. m. b. H. Berlin.

---

Всѣ права сохранены за Издательствомъ Отто Кирхнеръ и К<sup>о</sup>.  
Берлинъ.

# ЗАКОНОДАТЕЛИ



Споръ произошелъ послѣ того, какъ крестьяне села Хлудовки рѣшили на сходѣ окончательно разобрать и подѣлить все, что оставалось еще неразграбленнымъ въ экономіи графовъ Хлудовыхъ. Экономія была богатая и разгромлена была еще лѣтомъ семнадцатаго года. Хотя комиссаръ Временнаго Правительства и указалъ, что „Графское“ должно оставаться нетронутымъ, какъ имѣніе образцовое, что сами граждане должны оберегать его, какъ народное достояніе, граждане села Хлудовки и деревни Коросевки, расположенной по другую сторону графскихъ луговъ, съ этимъ взглядомъ не согласились и въ концѣ іюля мѣсяца служащихъ разогнали, а экономію разгромили.

Происходило это еще въ полномъ порядкѣ. Чтобы не было спора, по совѣту старика Архипа Кучина, всякій въ домѣ бралъ, что хотѣлъ, а на дворѣ дѣлили по совѣсти.

Такъ, породистыя свиньи были всѣ заколоты и каждая баба получила по куску свинины. Лошадей съ коннаго двора и коровъ дѣлили по божески, а жеребца

„порѣшили“, такъ какъ въ работу онъ не годился, „больно легко“, а ежели дать кому одному, то больно много денегъ можетъ выручить“. Вѣдь плочено за него графомъ шестьдесятъ тысячъ наличными.

Землю экономическую пока оставили такъ, не дѣля, потому что и свою то всю поднять мужички не могли изъ-за отсутствія рабочихъ рукъ.

Когда осенью наступило большевистское царство и наскоро собранный уѣздный совдепъ постановилъ немедленно передать въ руки трудового народа всѣ окрестныя имѣнія, въ Графскомъ оставались одни строенія, пока никого особенно не плѣнявшія.

Такимъ образомъ цѣлый годъ еще экономія оставалась въ томъ же видѣ.

Издали, со стороны рѣки, имѣніе казалось нетронутымъ. Также стройно четко на фонѣ парка вырисовывался дворецъ, построенный по рисункамъ Растрелли съ широкимъ фронтономъ по срединѣ и двумя крылами, огибающими полукругомъ главный фасадъ. Темными пятнами были разбросаны кругомъ службы и краснѣла длинная крыша коннаго завода.

И самъ паркъ, террасами спускающійся къ рѣкѣ съ его каменными лѣстницами и бесѣдками на стройныхъ колонкахъ, казался издали тѣмъ, чѣмъ былъ онъ раньше.

Только подѣхавъ ближе, можно было замѣтить разрушеніе. Окна и двери казались зіяющими дырами, безъ рамъ и стеколъ, паркъ, заросшій и заглохшій, былъ дикъ и сумраченъ, а мертвая тишина и полное от-

существованіе жизни дѣлали изъ всей экономіи какое-то огромное кладбище.

Хлудовское село было въ тридцати верстахъ отъ заштатнаго города Нижнеперска, поэтому политикой занимались мужички мало, а продолжали жить по старому.

Не то было въ Коросевкѣ. Тамъ было много городскихъ, вернувшихся въ деревню. Были уже всевозможные исполкомы и комбѣды, замѣнявшіе прежнія власти, и политическая жизнь была ключомъ.

Когда осенью восемнадцатаго года на сходе Хлудовцы постановили окончательно разобрать всѣ постройки, все село въ одинъ прекрасный день двинулось съ телѣгами на экономію.

Работы предстояло много. По однѣмъ крышамъ было неисчислимое количество всевозможныхъ стропилъ, досокъ, бревенъ и желѣза, не говоря уже о паркетныхъ полахъ въ самомъ дворцѣ и прочемъ матеріалѣ.

Вотъ тогда-то и произошло то событіе, которое на долго взбаламутило не только хлудовскихъ, но крестьянъ и всѣхъ окрестныхъ деревень.

Не успѣли всѣ телѣги въѣхать въ широкій дворъ экономіи, какъ мужики съ заднихъ повозокъ увидели по дорогѣ со стороны Коросевки непонятное движеніе.

— „Глянь-ка! Никакъ Коросевскіе поднялись!?“  
— Крикнулъ Прохоръ Стуловъ, рыжій малый съ крупными веснушками на придурковатомъ лицѣ.

— „А и въ самомъ дѣлѣ Коросевскіе“, — подтвердили другіе, глядя въ ту же сторону.

— „Не безъ того; штобъ всѣмъ міромъ,“ — замѣтилъ тотъ же Стуловъ.

Такое движеніе со стороны Коросевки несказанно удивило хлудовцевъ и начались толки и предположенія о дѣлѣ и его причинахъ.

Но скоро недоумѣніе ихъ разсѣялось.

Еще хлудовцы стояли на дворѣ и, почесываясь, разсуждали съ чего бы начать, „со службъ али съ барскаго дома“, какъ въ тѣ же ворота, стоявшія у входа главной еловой аллеи, которая вела въ экономію, появились передовыя телѣги коросевцевъ.

Втянулись онѣ, громяхая коваными желѣзными колесами, при полномъ молчаніи хлудовцевъ, довольно недружелюбно на нихъ поглядывавшихъ.

Когда и коросевскій поѣздъ весь въѣхалъ на дворъ и коросевцы слѣзли съ телѣгъ, столпившись около своихъ подводъ, со стороны хлудовцевъ выступилъ самъ Архипъ Кучикъ, высокій худой старикъ, опирающійся на палку.

Кучикъ, не спѣша, подошелъ къ коросевцамъ.

— „Вы, што же это, господа, по какой, значить, причинѣ?“ — спросилъ онъ, остановившись отъ нихъ въ нѣсколькихъ шагахъ.

Въ отвѣтъ коросевцы загалдѣли сразу.

— „Какой такой законъ, чтобы вы одни здѣсь хозяйничали,“ — кричалъ особенно одинъ видимо, по одеждѣ, изъ солдатъ, — „это, пожалуй, не фасонъ. Добра тутъ не мало, дѣлится такъ по совѣсти. А то, одни хлудовскіе!“ — Тутъ онъ грязно выругался.

Остальные кричали то-же.

Въ отвѣтъ на это заявленіе хлудовцы загудѣли.

— „Постой, стой,“ — старался перекричать всѣхъ Кучикъ, — „постой, я скажу.“ — И когда его голосъ услышали и кругомъ посмолкли, онъ продолжалъ: — „не по божески, братцы, не по божески. Въ запрошлый годъ, какъ разбирали экономію, такъ коросевскихъ не обдѣлили. Всѣ тутъ были. А что до лѣса и до двора, такъ это наше, хлудовское. Все нашимъ горбомъ повыстроено. Вы коросевскіе казенными были, а мы испоконъ вѣковъ графскіе. Наши дѣды и прадѣды тутъ работали!“

— „Товарищи!“ — заоралъ коросевскій солдатъ. — „Что стараго хрыча слушать. Сказано и никакихъ! Безъ насъ ни синь пороха не дадимъ вывезти. Такъ, что ли?“

— „Вѣрно, вѣрно, правильно, товарищъ,“ — одобрительно галдѣли коросевскіе.

Хлудовскіе снова глухо зарычали.

— „Дайте слово сказать, товарищи,“ — крикнулъ коросевскій вожакъ Заика. Онъ былъ мастеровымъ и вернулся въ деревню во время революціи. Мастеръ онъ былъ говорить и теперь считался комиссаромъ Коросевки. — „Товарищи!“ — крикнулъ онъ, выступая впередъ и задирая голову, стараясь этимъ повысить свой небольшой ростъ. — „Въ единеніи сила! Все награбленное сволочью помѣщиками переходитъ въ руки пролетаріата. Почему хлудовскіе товарищи хотятъ быть одни? Это провокація. Вы не

большевики, а буржуи! А ежели вы буржуи, то за одно съ помѣщиками!“

Рѣчь Зайки была встрѣчена одобреніемъ коросевцевъ и взрывомъ негодованія хлудовцевъ.

Особенно волновался тотъ же Прохоръ Стуловъ.

Онъ нервно почесывалъ себѣ подмышки и хлопалъ по ляжкамъ, и все его лицо выражало страстное желаніе самому вступить въ споръ.

Наконецъ онъ протискался сквозь толпу своихъ и всталъ рядомъ съ Кучикомъ.

— „Вы, коросевцы, не нашего барина, не графскіе!“ — закричалъ онъ высокимъ хриплымъ теноркомъ. — Когда Графское громили, такъ вы пѣсни пѣли! Такъ што ли? А наши жгли, такъ плакали! Мы нашего графа любили!“

Солдатъ сумрачно смотрѣлъ на него и послѣ неожиданно снова выругался и съ размаха ударилъ его кулакомъ прямо въ веснушчатое лицо.

Стуловъ ахнулъ и схватился за щеку.

Коросевскіе, какъ будто только и ждали этого знака, грозно ворча начали наступать на хлудовскихъ. Замелькали въ воздухѣ палки и темные волосатые кулаки.

Хлудовскіе, не ожидавшіе такого натиска, смѣшались и отступили къ своимъ телѣгамъ. Мальчишки визжали. Но тутъ у телѣгъ хлудовскіе взялись за топоры, привезенные съ собою для работы, и бой загорѣлся съ новой силой.

Кучикъ стоялъ впереди своихъ, поэтому не успѣлъ отойти и получилъ первые удары. По лицу

его струилась кровь, шапка была сбита, и онъ стоялъ растерянный, утираясь рукавомъ и даже не защищаясь.

Солдатъ билъ крѣпко, со знаніемъ дѣла, и съ каждымъ ударомъ посылая сквозь стиснутые зубы крѣпкую ругань.

Прохоръ, хотя стоялъ рядомъ съ Кучикомъ, вернулся и отбѣжалъ въ сторону. У него опять было видѣть, что онъ сейчасъ бросится въ самую гущу драки. Онъ почесывался и поеживался, и кричалъ своимъ тонкимъ голосомъ безсвязныя слова.

Коросевскій комиссаръ въ пылу драки залѣзъ слишкомъ далеко и, весь въ крови, отползъ въ сторону. Онъ лежалъ, выплевывая кровь изъ разбитаго рта и, судорожно ворочая осовѣлыми глазами, бормоталъ: „ножъ въ спину революціи, ножъ въ спину революціи.“

А озвѣрѣвшіе мужики продолжали съ тѣмъ же безуміемъ калѣчить другъ друга палками, топорами и камнями, и испаренье грязныхъ, невымытыхъ тѣлъ гнилымъ туманомъ расходилось вмѣстѣ съ густой пылью, выбиваемой кованными каблуками сапоговъ...

... Тихо шумѣли вѣковые липы стараго парка и бѣлый дворецъ загадочно глядѣлъ выбитыми, потухшими окнами.

SÈVRES

2-го января 1922 года.



ПЕРЕДЪ ЛИЦОМЪ СМЕРТИ



Ихъ было всего одиннадцать человѣкъ, одиннадцать офицеровъ, спасшихся изъ Симферополя послѣ разгрома подъ Бахчисараемъ. Отряды большевиковъ, вышедшихъ изъ Севастополя, занимали уже по слухамъ шоссе на Феодосію, и имъ нужно было горами, безъ дороги, добраться до Азовскаго побережья, гдѣ они рассчитывали найти способъ достигнуть Кубанской области. Былъ еще январь мѣсяцъ, а въ 18 г. зима задержалась и было холодно.

Они шли наканунѣ съ пяти часовъ вечера и, почти не отдыхая, къ двумъ часамъ ночи отошли верстъ на тридцать. Предстоялъ путь тяжелый.

Вначалѣ они тащили съ собой свои винтовки, послѣ, подъ вліяніемъ усталости, бросили ихъ въ горахъ, сохранивъ лишь револьверы и мѣшокъ съ хлѣбомъ, случайно взятымъ однимъ изъ спутниковъ. Теперь предстояло важное рѣшеніе, куда направиться, чтобы хоть немного передохнуть; поэтому они остановились.

Общая опасность совершенно сгладила разницу въ чинахъ и положеніяхъ и, хотя тутъ были младшіе офицеры и полковники, причѣмъ одинъ изъ нихъ занималъ должность начальника штаба разгромленнаго отряда, каждый выражалъ свободно свое мнѣніе, а остальные внимательно слушали, стараясь тщательно взвѣсить всѣ соображенія.

— „Недалеко имѣніе моей матери“ — говорилъ одинъ изъ нихъ, еще совершенно молодой, безусый поручикъ.

Всѣ тѣснились въ узкой неглубокой котловинѣ, стараясь хоть немного спрятаться отъ холоднаго низкаго вѣтра, который билъ то ледянымъ дождемъ, то мелкими брызгами изморози.

— „Я знаю здѣсь каждую тропинку и могу васъ провести совершенно незамѣтно до самаго дома“, — продолжалъ онъ, нервнымъ движеніемъ потирая озябшія руки. — „Въ домѣ кромѣ моей матери, сестры, да старухи няни никого нѣтъ. Мы устроимся наверху въ мезонинѣ и можемъ пробыть весь день до вечера. А когда стемнѣетъ, мы черезъ садъ попадемъ прямо въ поле, а тамъ горы рукой подать.“

— „Въ домѣ заходить неблагоразумно“ — покашливая возразилъ одинъ изъ полковниковъ, гусаръ, сухощавый, небольшого роста. Онъ былъ въ пенснэ, причѣмъ стекла ихъ все время покрывались тонкимъ слоемъ пара, и ему приходилось ихъ снимать и вытирать объ рукавъ короткаго полушубка. — „Въ такихъ случаяхъ домъ можетъ стать ловушкой“.

— „До деревни еще не дошли вѣроятно слухи о разгромѣ“, — возразилъ другой офицеръ, молчаливый и сдержанный.

— „Надо рѣшать, а то мы только время теряемъ“, — отозвался еще одинъ, угрюмо сидѣвшій въ сторонѣ и зябко заворачивавшійся въ воротникъ шинели — „въ горы, такъ въ горы, все равно.“

— „У насъ можно отогрѣться, поѣсть“, — робко вставилъ молодой поручикъ.

Когда онъ это сказалъ, всѣ ясно почувствовали, что они голодны. Наканунѣ, съ утра въ суматохѣ боя объ этомъ не думали, вечеромъ также вопросъ ѣды не приходилъ въ голову.

— „Дайте по куску хлѣба“, — замѣтилъ угрюмый офицеръ. Сидѣвшій около мѣшка тотчасъ же развязалъ узелъ и досталъ большую краюху чернаго хлѣба.

— „Кстати, сколько у насъ провизіи“, — спросилъ начальникъ штаба.

Сдѣлали осмотръ мѣшка. Оказалось полтора хлѣба съ фунтъ сахару и немного чаю.

— „Надо быть осторожнѣй съ ѣдой“, — снова сказалъ начальникъ штаба, — „можетъ быть въ дорогѣ нигдѣ не достанемъ“.

— „У насъ можно бы пополнить запасы“, — опять заговорилъ молодой поручикъ и послѣ добавилъ мечтательно, — „выпили бы сейчасъ чаю, отогрѣлись“.

Остальные десять переглянулись. Мысль выпить чего-нибудь горячаго, посидѣть въ теплѣ казалась

столь заманчивой и желанной, что даже сопряженный съ этимъ рискъ представился меньшимъ.

— „Какъ же мы рѣшили?“ — спросилъ начальникъ штаба.

— „Если поручикъ берется насъ довести незамѣтно, можно попытаться“, — отвѣтилъ полковникъ — гусарь, до того бывший въ оппозиціи.

Медленно, расправляя слегка отекишія ноги, всѣ по одному вышли изъ котловины. Поручикъ, знавшій мѣстность, пошелъ впередъ, а остальные растянулись въ длинную ленту.

Было темно и холодно. Но оттого, что свернули въ сторону, вѣтеръ сталъ дуть въ спину и стало легче идти. Подбодрила еще надежда скоро очутиться подъ крышей.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ низинахъ было тепло и ноги проваливались въ грязь. Повыше лежалъ еще снѣгъ сѣровато-бѣлыми пятнами. Изрѣдка попадались кусты. На вѣткахъ висѣли тонкія стрѣлки натаившаго за день льда. Послѣ черстваго хлѣба хотѣлось пить. Мимоходомъ офицеры обрывали эти льдины и клали въ ротъ. Отъ соприкосновенія со льдомъ губы и языкъ начинали горѣть, первую минуту чувствовалось облегченіе, но послѣ жажда мучила больше.

Съ полчася шли молча. Почему то всѣмъ казалось, что идти недалеко. Но время шло, а впереди была все та же бѣлесоватая пустыня, гдѣ, какъ черные призраки, качались одинокія деревья.

— „Скоро ли“, — съ тоской спросилъ одинъ, повидимому больше всѣхъ уставшій.

Никто ему не отвѣтилъ, и всѣ продолжали идти молча, стараясь не сбиваться съ узкой, болѣе сухой дорожки.

— „Я больше не могу. Я упаду“, — проговорилъ тотъ же голосъ.

— „Тише шагъ. Дайте подровняться“, — крикнулъ кто-то изъ темноты.

— „Сейчасъ прійдемъ“, — донесся голосъ молодого поручика, и снова всѣ подбодрились.

Дорога стала спускаться внизъ. Вдали зачернѣли темные силуэты домовъ и деревьевъ.

— „Тише“, — пронеслось спереди.

Снова всѣ замолчали и почти безшумно сдѣлали нѣсколько сотъ шаговъ.

Неожиданно передніе остановились и отставшіе, дойдя до нихъ, увидѣли, что стоятъ передъ довольно высокимъ плетенымъ заборомъ. Низенькая калитка была полуоткрыта; за ней виднѣлся широкій дворъ и темная масса дома.

— „Тише“, — снова повторилъ начальникъ штаба.

— „Что мы ждемъ?“ — шопотомъ спросилъ одинъ, самый нетерпѣливый.

— „Поручикъ пошелъ впередъ, узнать,“ — отвѣтилъ полковникъ.

Всѣ смолкли. Слышно было только хлопанье дождевыхъ капель въ лужѣ, да шорохъ вѣтра.

Гдѣ-то далеко въ сторонѣ прогремѣло нѣсколько выстрѣловъ.

— „На шоссе,“ — замѣтилъ одинъ. Никто не отвѣтилъ. — Торопливые, но осторожные шаги по двору, по ту сторону забора заставили всѣхъ встре-пенуться.

— „Можно итти“, — послышался голосъ поручика.

Также молча, по одному всѣ тихо проскользнули въ калитку и направились къ дому. Робкій свѣтъ одной свѣчки пробивался черезъ полуоткрытую дверь. Всѣ ставни были закрыты и домъ казался необитаемымъ.

Когда всѣ вошли по деревяннымъ ступенькамъ подъѣзда и столпились въ узенькой передней, стало сразу какъ-то необычайно тепло и уютно, казалось, что самое страшное и тяжелое прошло.

— „Вотъ мама“ — сказалъ поручикъ, успѣвшій уже снять полушубокъ.

На порогѣ полутемной комнаты, выходящей въ переднюю, стояла маленькаго роста старушка. Она видимо наспѣхъ одѣла темное домашнее платье и сѣдые ея волосы выбивались изъ-подъ криво повязаннаго платка.

— „Милости просимъ, милости просимъ“, — сказала она, стараясь взглянуть въ лица офицеровъ, стоявшихъ въ тѣни, — „не стѣсняйтесь, пожалуйста, — входите въ столовую, погрѣйтесь.“

Неуклюже переступая озябшими ногами, офицеры пошли за ней. Тамъ горѣла керосиновая лампа. Въ столовой другая старушка, поминутно охая и крестясь, поспѣшно накрывала на столъ. Офицеры

стояли гурьбой и невольно счастливо улыбались. Приятная теплота какъ-то сразу развинтила имъ нервы, и стало безпричинно весело и легко.

— „Ну, вотъ и хорошо сдѣлали, что зашли,“ — говорила между тѣмъ старушка мать, сама помогая нянѣ и выставляя изъ шкапа всевозможныя тарелочки и баночки, глядя на которыя у всѣхъ глаза начали разбѣгаться, — „отдохнете хорошенько, никто и не подумаетъ, что вы тутъ, я для васъ наверху комнату устрою. Дастъ Богъ, все будетъ отлично.“

— „А вѣдь недурно, Михаилъ Ивановичъ“ — сказалъ начальникъ штаба, садясь за столъ, а послѣ, обращаясь къ хозяйкѣ, добавилъ: — „вы насъ простите за нашъ видъ. Мы вамъ весь полъ перепачкали“.

— „Не бѣда, голубчикъ мой, не бѣда. Это дѣло поправимое,“ отвѣтила та, сама присаживаясь къ столу. — „Что же вы не кушаете? Прошу васъ, не стѣсняйтесь,“ — продолжала она, жестомъ указывая на столъ — „сейчасъ самоваръ разогрѣютъ. Чайку попьемъ.“

Офицеры не заставили себя просить второй разъ, и тяжелый кувшинъ съ бѣлымъ густымъ молокомъ заходилъ по рукамъ кругомъ стола. А когда внесли шишучій самоваръ, лица оживились и слышались разговоры и даже смѣхъ.

— „Не время ли отдохнуть“, спросила неожиданно няня, взоидя въ комнату. — „Придется всѣмъ ужъ на полу поспать. Кроватей не хватаетъ“.

— „Ну, я думаю только бы было гдѣ растянуться, а заснемъ всѣ хорошо“, — засмѣялся полковникъ.

Всѣ шумно встали изъ-за стола и по указанію хозяина прошли по узенькой лѣстницѣ, которая вела въ мезонинъ.

— „Э, да тутъ прямо потаенный входъ“, — замѣтилъ начальникъ штаба.

Дѣйствительно, лѣстница въ мезонинъ была приставная, а дверь была просто отверстіемъ въ потолокъ, закрывавшемся доскою.

Комната въ мезонинѣ была большая, но почти безъ мебели. Зато на полу были разложены тюфяки и подушки.

— „Вы простите, что никакихъ удобствъ нѣтъ, — немного сконфуженно сказалъ поручикъ.

Всѣ засмѣялись, протестуя, и въ доказательство удобства немедленно размѣстились по тюфякамъ. И поручикъ не успѣлъ затворить за собой дверь, какъ изъ разныхъ угловъ раздалось уже мѣрное дыханіе спящихъ. Усталость и волненія послѣдняго дня сказались на крѣпкихъ, здоровыхъ организмахъ.

Уже солнце давно взошло, когда поручикъ поднялся на мезонинъ.

— „Отлично выспались“, — встрѣтилъ его полковникъ, еще лежа и сладко потягиваясь. — „А какія новости?“

— „На селѣ все совершенно спокойно“, — отвѣ-

тилъ тотъ, сядясь рядомъ съ нимъ. — Была какая-то сходка, но въ общемъ тихо.“

— „Гдѣ наша карта!“ — Спросилъ начальникъ штаба, — „надо разобраться, куда итти дальше. Какъ называется ваше село?“

Пока оба полковника разбирались по картѣ, остальные офицеры стали также понемногу просыпаться. Нѣкоторые съ удивленіемъ оглядывались, забывъ изъ-за глубокаго сна, почему они попали въ такую обстановку. Другіе подошли къ окну. Окно было низкое, начиналось прямо отъ пола и выходило на балконъ съ довольно высокими перилами изъ плотно сколоченныхъ досокъ. Направо виднѣлась улица села, рядъ крестьянскихъ избъ съ церковью по срединѣ. На улицѣ было народа мало, только на площади толпилась кучка крестьянъ, о чемъ то толковавшихъ. Дождя не было, но вѣтеръ продолжалъ дуть порывами. Вообще картина была мирная и вполне успокоительная.

Особенно казался довольнымъ и счастливымъ тотъ, кто наканунѣ совершенно падалъ духомъ и отчаивался дойти.

Это былъ почти мальчикъ, съ нѣжнымъ, немного дѣвичьимъ, лицомъ и голубыми выпуклыми глазами.

Одѣтъ онъ былъ изящно, и на кавалерійскомъ кителѣ скромно бѣлѣлъ пажескій значокъ. Когда къ нему обращались остальные, его называли корнетомъ.

— „Ну, что, корнетъ, хорошо, — чуть-чуть насмѣшливо спросилъ его угрюмый офицеръ.

— „Очень хорошо,“ — по дѣтски улыбнулся тотъ, а послѣ добавилъ — „Вы подумайте, какой ужасъ! Не попади мы сейчасъ сюда, мы переночевали бы гдѣ-нибудь въ горахъ, подъ дождемъ, голодные бр-р“. — Онъ даже нервно повелъ плечами.

— „Можно къ вамъ?“ — раздался молодой женскій голосъ.

— „Это моя сестра“ — сказалъ поручикъ.

Всѣ офицеры поспѣшно встали и подтянулись. Веселая головка дѣвушки съ двумя косами и блестящими отъ волненія глазами показалась въ отверстіи, служившемъ дверью.

— „Здравствуйте, господа,“ — сказала она, съ любопытствомъ оглядывая незнакомыя лица. — „Мама думаетъ, что лучше вамъ днемъ не сходить внизъ. Мы съ няней несемъ вамъ завтракъ сюда. Сережа, помоги,“ — жалобно обратилась она къ брату.

Корнетъ въ это время былъ къ ней ближе всѣхъ.

— „Вы позволите мнѣ помочь вамъ?“ — сказалъ онъ, щелкнувъ слегка шпорами.

— „Берите тарелки, я передавать буду,“ — согласилась она.

Изъ глубины отверстія показалось цѣлое блюдо съ жаренымъ гусемъ, окруженнымъ яблоками и картошкой. Блюдо было тяжело и лицо дѣвушки даже покраснѣло отъ напряженія. Передавая его, она закусила нижнюю губу. Послѣ, тѣмъ же порядкомъ

былъ переданъ большой каравай бѣлаго, еще теплаго хлѣба. Тарелки, стаканы, вилки и ножи также быстро оказались въ мезонинѣ, а уже послѣ сама дѣвушка легко вскочила наверхъ, держа въ рукахъ двѣ бутылки бѣлаго, мѣстнаго вина.

— „Вамъ хватитъ?“ — озабоченно спросила она, какъ будто отъ вида рослыхъ и здоровыхъ офицеровъ ея гусь потерялъ свою прежнюю представительность.

— „Господинъ полковникъ, это моя сестра, Ольга Николаевна“, церемонно представилъ поручикъ свою сестру.

Хотя обстановка была все же довольно необычная, всѣ сразу вернулись къ прежней выдержкѣ и дисциплинѣ. Всѣ снова почувствовали себя не загнанными звѣрями, которыми они были наканунѣ, когда пробирались грязными тропинками въ горы, а тѣми, къ которымъ они были въ дѣйствительности, молодыми, здоровыми людьми, привыкшими къ обычнымъ условіямъ военной семьи.

— „Вы позавтракаете съ нами,“ — спросилъ корнетъ, когда представленіе кончилось и дѣвушка всѣмъ подала свою небольшую, но крѣпкую руку.

— „Нѣтъ, я еще пирогъ вамъ пеку,“ — отвѣтила она, — „пожалуйста, кушайте“.

— „Олечка, ты наверху“ — раздался глухо снизу голосъ матери.

— „Я сейчасъ!“ — крикнула она — „до свиданья, господа“.

Блюдо пришлось оставить на полу, такъ какъ стола въ комнатѣ не было, а всѣ съ тарелками расположились вокругъ, кто на корточкахъ, а кто прямо лежа на тюфякѣ. Обстановка своеобразнаго пикника особенно всѣхъ веселила, и остроты и шутки прерывались лишь ѣдой.

Вино было слабенькое и кислое, но оно показалось всѣмъ восхитительнымъ, а когда няня торжественно втащила пышный пирогъ розовато-смуглый и лоснящійся отъ масла, офицеры чуть-чуть не крикнули ура.

Послѣ завтрака стало скучно. Въ комнатѣ было душно и накурено. Всѣ были сыты и не хотѣлось двигаться, поэтому постепенно офицеры приняли первоначальное положеніе, т. е. растянулись на тюфякахъ и, покуривая, изрѣдка перебрасывались односложными словами. Многіе задремали.

Корнетъ лежалъ почти около двери. Онъ не спалъ и прислушивался къ движенію внизу. Мимолетное видѣніе дѣвушки сразу наполнило его сердце счастьемъ и ожиданіемъ чего-то таинственнаго и несбыточнаго. Онъ вспомнилъ свою мать, свою сестру, оставшихся гдѣ-то тамъ въ имѣніи, въ Воронежской губерніи, и почувствовалъ, что рѣсницы стали влажными отъ умиленія. И ему стало немного стыдно за это ребячество.

Внизу семья завтракала въ свою очередь. Слышенъ былъ стукъ ножей и тарелокъ, и разговоръ, который доходилъ, какъ непонятный гулъ. Изрѣдка

доносился смѣхъ, и, корнетъ различалъ смѣхъ дѣвушки и тогда онъ самъ улыбался.

Полковникъ также не спалъ. Онъ курилъ папиросу за папиросой и съ напряженнымъ вниманіемъ изучалъ разложенную передъ нимъ карту. Изрѣдка онъ вынималъ карандашъ и дѣлалъ отмѣтки въ записной книжкѣ.

Онъ первый услышалъ торопливые шаги внизу и, чувствуя что-то ненормальное, быстрымъ движеніемъ выпрямился и сѣлъ на тюфякъ, привычнымъ движеніемъ схвативъ лежавшій рядомъ револьверъ.

По лѣстницѣ поспѣшно взобрался поручикъ. Лицо его было блѣдное, но рѣшительное.

— „Въ село пріѣхалъ отрядъ матросовъ,“ сказалъ онъ быстро. — „Мужики хотятъ дѣлать обыскъ на усадьбѣ. Надо уходить“.

Всѣ вскочили и, ни слова не говоря, стали поспѣшно готовиться. Сразу создалось настроеніе напряженное и сосредоточенное, настроеніе такое привычное передъ боемъ.

— „Сережа“, крикнула снизу дѣвушка испуганнымъ голосомъ — „мужики въ саду, около рѣчки“.

Въ началѣ никто не понялъ значенія этого извѣстія, но всѣ увидали по выраженію лица поручика, что случилось что-то плохое.

— „Насъ отрѣзали“, глухо проговорилъ тотъ.

— „Сколько ихъ“, спокойнымъ тономъ спросилъ начальникъ штаба, поправляя кожаный поясъ. Въ-мѣсто отвѣта поручикъ показалъ на окно. Всѣ столпились у окна.

Со стороны села по направленію къ усадьбѣ шла толпа крестьянъ, у многихъ въ рукахъ были винтовки, у другихъ охотничьи ружья. До тридцати матросовъ въ кожаныхъ курткахъ ѣхало впереди, немѣло сидя на коняхъ. Толпа гудѣла угрожающе.

— „Жаль, что винтовки бросили,“ замѣтилъ угрюмый офицеръ. Никто не отвѣтилъ.

— „Можно ли незамѣтно пройти черезъ садъ?“ — такъ же спокойно спросилъ начальникъ штаба.

— „Садъ оцѣпили“, съ невольной дрожью въ голосѣ отвѣтилъ поручикъ.

— „Тогда нужно остаться здѣсь“, тѣмъ же тономъ замѣтилъ начальникъ штаба — „и ждать“. Это было сказано просто, но всѣ поняли, что выхода нѣтъ. Оставалось лишь дорожке продать свою жизнь.

— „Если кому-нибудь удастся вырваться, надо итти на сѣверо-востокъ по этому направленію“, сказалъ полковникъ, изучавшій карту, указывая рукой.

— „Сережа, ты здѣсь“, раздался голосъ Ольги Николаевны и, быстро взобравшись по лѣстницѣ, она появилась наверху. Лицо ея было возбуждено, но рѣшительно.

— „Закройте люкъ“, сказала она поспѣшно — „я отставлю внизу лѣстницу. Можетъ быть они не догадаются, что тутъ комната“.

— „Если насъ выдали, это бесполезно“, замѣтилъ тотъ же полковникъ.

— „Нѣтъ, нѣтъ, это надо сдѣлать“, умоляюще повторила дѣвушка — „Сережа, я прошу тебя“.

— „Я закрою,“ также предупредительно, какъ и тогда, выдвинулся корнетъ.

Она съ благодарностью на него посмотрѣла и быстро исчезла въ отверстіи. Корнетъ задвинулъ доску. Въ наступившемъ молчаніи слышно было, какъ зашуршала отодвигаемая лѣстница.

— „Здѣсь насъ переловятъ какъ 'куръ,“ замѣтилъ полковникъ, нервно пожавъ плечами — „это абсурдъ.“

— „Который часъ,“ спросилъ начальникъ штаба. Угрюмый офицеръ посмотрѣлъ на часы, — „двадцать минутъ пятого.“

— „Стемнѣетъ только черезъ два часа..., какъ будто про себя замѣтилъ кто-то. И всѣ смолкли. Со стороны двора слышались громкіе крики.

— „Сейчасъ они будутъ въ домъ,“ тихо сказалъ поручикъ. Онъ стоялъ около доски, закрывшей дверь, и въ рукѣ держалъ револьверъ. Отъ всей его напряженной фигуры вѣяло той же холодной рѣшимостью безнадежности, которая охватила всѣхъ.

— „Если откроютъ дверь, я выстрѣлю въ упоръ,“ прошепталъ онъ начальнику штаба, стоявшему поодаль. Тотъ только качнулъ головой.

Внизу въ домѣ слышны были грубые голоса. Всѣ прислушивались.

— „Офицеровъ прячете,“ кричалъ кто-то начальническимъ тономъ — „если хоть одного найду, всѣхъ, какъ собакъ, перестрѣлю.“ Слышно было, что кто-то спокойнымъ голосомъ ему возражалъ и даже засмѣялся. Корнетъ узналъ голосъ дѣвушки..

— „Эй, все перерыть,“ продолжалъ тотъ же грубый голосъ, „во всѣхъ дырахъ пошарить.“

Слышно было, какъ съ грохотомъ открывались двери и передвигалась мебель. Угрюмый офицеръ, стоявшій ближе къ окну, видѣлъ дворъ сплошь запруженный вооруженными людьми, которые громко ругались и криками поощряли находившихся въ домѣ. Иногда внизу шумъ останавливался прямо подъ люкомъ и тогда снова раздавался спокойный голосъ дѣвушки, а шумъ отходилъ.

Въ эти минуты пальцы всѣхъ какъ-то особенно сильно стискивали твердыя рукоятки револьверовъ и дыханіе прерывалось.

Никто не могъ бы сообразить, сколько времени продолжалось это положеніе, можетъ быть часъ, можетъ быть больше. У всѣхъ затекли ноги отъ напряженнаго положенія и постепенно острота настроенія перешла въ тупое ожиданіе. Какъ то стало всѣмъ безразлично, что произойдетъ, безразлично до тошноты.

— „Уходятъ,“ — вдругъ прошепталъ угрюмый офицеръ, стоявшій ближе къ окну. Дѣйствительно голоса въ домѣ смолкли и перенеслись во дворъ, гдѣ толпа еще гудѣла. Постепенно тамъ шумъ сталъ стихать и, осторожно подойдя къ окну, офицеры могли видѣть, какъ толпа, растянувшись по дорогѣ, медленно отходила въ сторону села, имѣя впереди конныхъ матросовъ.

— „Кажется, выскочили“ — тѣмъ же спокойнымъ тономъ сказалъ начальникъ штаба. Всѣ облегченно вздохнули. Но прошло еще съ полчаса. Зимнія сумерки

медленно спустились на землю и въ комнатѣ стало темно. Только тогда снова раздался шорохъ передвижаемой лѣстницы и осторожный стукъ въ закрытый люкъ.

Поручикъ, быстро наклонившись, поднялъ доску.

— „Ушли,“ — прошептала Ольга Николаевна, почти невидимая въ черномъ отверстіи двери.

— „Я сейчасъ выясню положеніе,“ — въ полголоса сказалъ поручикъ... Онъ тихонько спустился по лѣстницѣ вслѣдъ за сестрой, а остальные усьлились на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ стояли. Никому не хотѣлось говорить, только полковникъ закурилъ папиросу.

— „Можно идти,“ — снова раздался снизу голосъ поручика.

Всѣ поднялись и снова по очереди спустились внизъ. Начальникъ штаба разспрашивалъ положеніе.

— „Они оставили дозоры въ саду,“ — говорилъ поручикъ, — „но я знаю, какъ пройти незамѣтно. Лучше всего идти сейчасъ, пока нѣтъ луны.“

— „Отлично, идемте, господа,“ — сказалъ начальникъ штаба.

Старушка мать стояла тутъ же и рядомъ съ ней ея дочь. Онѣ молчали и въ полутьмѣ казались двумя неподвижными тѣнями.

— „Съ Богомъ,“ — сказалъ полковникъ.

Поручикъ подошелъ къ матери и та быстро его стала крестить, шепча какія-то безсвязныя слова. Послѣ онъ поцѣловалъ сестру и первый легко выпрыгнулъ въ окно, которое было обращено въ садъ.

Потомъ каждый подходилъ къ старушкѣ и она-его крестила, а потомъ пожимали руку дочери.

Когда очередь дошла до корнета, онъ на секунду задержалъ въ своей рукѣ горячіе пальцы дѣвушки, а потомъ быстро наклонившись, приложилъ къ нимъ свои губы.

Поднявъ голову, ему показалось, что ея глаза въ полутьмѣ заблестѣли ярче, какъ будто въ нихъ скользнула слеза!..

Медленно, осторожной цѣпью шли офицеры по саду, переходя отъ дерева къ дереву и замирая при каждомъ шумѣ. Гдѣ-то, не далеко, слышны были голоса, закраснѣлъ даже огонь зажигаемой цыгарки.

Дойдя по болотистому лужку, заросшему кустарникомъ, до рѣчки, они безшумно тѣмъ же порядкомъ въ бродъ перешли холодную воду, которая доходила имъ выше колѣнъ.

Въ темнотѣ слышно было слабое бульканье воды и шлепанье ила подъ ногами...

А тамъ на той сторонѣ чернѣли горы и дулъ вѣтеръ холодный и злой, бившій прямо въ лицо колючими, жесткими иглами.

SÈVRES.

27 декабря 1922 г.

**ПРОФЕССОРЪ**



Онъ былъ знаменитымъ профессоромъ хирургомъ. Объ его операціяхъ писали въ медицинскихъ журналахъ и называли ихъ чудодѣйственными. Его изслѣдованіе рака въ свое время сдѣлало переворотъ въ медицинскомъ мірѣ и его именемъ гордился университетъ. Неожиданно онъ уѣхалъ на берегъ моря и поселился въ имѣніицѣ, которое онъ давно уже купилъ и устраивалъ по своему вкусу. Отъ практики онъ отказался и жилъ совершенно уединенно, почти никого не видя. Единственнымъ его близкимъ знакомымъ былъ отставной полковникъ, который жилъ въ ближайшемъ его сосѣдствѣ. Полковникъ приходилъ къ нему часто. Обыкновенно, когда было тепло, они сидѣли въ бесѣдкѣ на скалѣ надъ самымъ моремъ. Слѣва въ далекомъ розовомъ туманѣ видны были горы, справа выступомъ громоздились скалы, прорѣзанныя узкимъ змѣйчатымъ ущельемъ, а впереди было безбрежное синее море съ сѣровой полосой на горизонтѣ, сливающейся съ небомъ. Говорили они мало. Большею частью курили и пили чай, или пряный

густой мускатъ, который профессоръ выписывалъ цѣлыми партіями.

Однажды полковникъ пришелъ въ обычное время и, не заставъ профессора въ домѣ, пошелъ искать его сначала въ садъ, а затѣмъ въ бесѣдку. Въ послѣдней онъ его дѣйствительно засталъ, но въ самомъ плачевномъ видѣ. Онъ полулежалъ на широкомъ деревянномъ диванѣ, при чемъ его голова съ копной почти совершенно бѣлыхъ волосъ была откинута назадъ. На столѣ стояло нѣсколько бутылокъ. Услыша шаги, профессоръ повернулъ голову и полковникъ увидѣлъ, что онъ пьянъ. Это было такъ неожиданно, что полковникъ остановился въ полномъ недоумѣніи. — „А, это вы,“ — сказалъ профессоръ, довольно ясно, — „садитесь.“ Полковникъ усѣлся напротивъ, продолжая недоумѣвать. Неожиданно профессоръ грузно повернулъ все свое туловище въ его сторону и посмотрѣлъ прямо ему въ глаза. — „Вы поражены? а?“ — спросилъ онъ. Полковникъ поспѣшилъ сказать, что не только пораженъ, но до чрезвычайности огорченъ тѣмъ, что видитъ. — „Вы развѣ не знаете, что сегодня 2 августа?“ — нахмурившись замѣтилъ ему тотъ. Но такъ какъ лицо полковника продолжало хранить то же выраженіе изумленія, профессоръ пренебрежительно пожалъ плечами. — „Ахъ, да, я всегда забываю, что вы не москвичъ.“ Послѣ этого онъ снова налилъ себѣ стаканъ вина и, выпивъ, продолжалъ: „въ этотъ день я сталъ убійцей.“ Полковникъ, думая, что все происходитъ отъ излишне выпитаго вина, попытался заговорить о чемъ то

другомъ, но профессоръ стукнулъ кулакомъ о столъ и проговорилъ прерывающимся отъ гнѣва голосомъ. — „Вы не хотите мнѣ вѣрить? Ну такъ слушайте, я вамъ все расскажу и вы увидите, что я правъ.“ — Послѣ онъ минуту помолчалъ. Былъ слышенъ только однообразный шумъ моря, да цикады трещали внизу, гдѣ-то въ виноградникѣ. — „Не забывайте, что я не всегда торчалъ здѣсь. Было время, когда я могъ отдаваться всей душой моему призванію и, безъ излишней гордости, могу сказать, что едва ли не былъ лучшимъ хирургомъ своего времени. Да, это такъ. Но слушайте, слушайте внимательно прежде чѣмъ осуждать. До сорока лѣтъ я былъ въ непрерывной работѣ. Больница и лекціи въ Университетѣ отнимали у меня все мое время и для личной жизни не было мѣста. Я такъ и считалъ и смотрѣлъ на себя въ этомъ смыслѣ, какъ на отпѣтаго. Вы не знавали въ Москвѣ... Ну, все равно, не буду называть фамиліи, да и вы „кстати“ ихъ и не знаете. Скажу просто. Познакомился я случайно съ семьей моего товарища по университету. У него была дочь Ольга. Вотъ ее то я и полюбилъ. Въ сравненіи со мной она была дѣвочкой. Что жъ, ей было семнадцать лѣтъ, а мнѣ подъ сорокъ. Но право въ этихъ случаяхъ не разсуждаютъ. Я сталъ часто у нихъ бывать, такъ часто, что всѣмъ стало ясно, почему я это дѣлаю. Видите ли, мнѣ какъ то необычайно было пріятно послѣ тяжелаго дня, или ряда опасныхъ операций, которыя выворачиваютъ наружу всѣ ваши нервы, очутиться въ ея присутствіи, слышать ея

веселый голосъ, смотрѣть на нее... Она была хорошенькая, очень хорошенькая... Что во мнѣ она нашла, Богъ ее знаетъ. Извѣстность ли моя, или самъ я ей показался интереснымъ, только, право мнѣ казалось, что она меня любитъ. Какъ то вечеромъ я у нихъ сидѣлъ на дачѣ. Они жили въ подмосковной мѣстности и я къ нимъ пріѣхалъ на автомобилѣ. Былъ іюльскій вечеръ. Вы знаете наши чисто русскіе іюльскіе вечера. Это не южные, которые и на вечера то не похожи. Такъ ночь и только. А у насъ сумерки какъ то крадутся къ землѣ. Ну мы сидѣли съ ней въ саду и въ этотъ то вечеръ я и объяснился. Ну естественно послѣ пошли поздравленія, вытащили бутылку шампанскаго, видно заранѣе приготовленную, и уѣхалъ я поздно. Всю дорогу я, какъ мальчишка, радовался. А какъ вспомню, что держалъ въ рукахъ свою Олечку, такъ и вспомню и запахъ ея волосъ, и губки ея, которыя мнѣ удалось поцѣловать, а кровь такъ и хлынетъ въ сердцѣ горячей, полной волной. На другой день я къ нимъ поѣхать не могъ. Только послалъ большую корзину цвѣтовъ. А черезъ день пріѣзжаетъ ко мнѣ мой пріятель, смотрю на немъ лица нѣтъ — „Олѣчка заболѣла.“ Какъ? Что? Оказалось, что наканунѣ у нея начались какія то боли, какъ будто въ желудкѣ, а сегодня и температура поднялась и боли такія, что чуть не кричить. Къ счастью въ этотъ день операція у меня была одна. Кончилъ я ее, сѣлъ въ автомобиль и туда на дачу. Провели меня въ ея комнату. Первый разъ я въ ея комнатѣ былъ. Вижу лежитъ она на

кровати, подъ одѣяломъ, на глазахъ слезы, видно отъ боли. Рѣшилъ я ее осмотрѣть. У насъ врачей на этотъ счетъ взглядъ установился опредѣленный. Столько мы женщинъ перевидали, что нагота на насъ не дѣйствуетъ совершенно. Поэтому и я спокойно поднялъ ея рубашку и сталъ осматривать. Ну, сразу вижу въ чемъ дѣло. На лицо то, что обычно называютъ аппендицитомъ, т. е. воспаленіе червевиднаго отростка. Прикрылъ я ее одѣяломъ и подымаюсь, и въ это время посмотрѣлъ на нее. Бываетъ у женщинъ, особенно у дѣвушекъ, самыхъ чистыхъ и дѣвинныхъ особенный взглядъ. Чортъ ихъ знаетъ, что онѣ думаютъ въ эту минуту, но глаза ихъ притягиваютъ, манятъ, дразнятъ. Мнѣ кажется, что онѣ въ это время просто не сознаютъ и не понимаютъ того, о чемъ кричатъ ихъ глаза. И Олечка посмотрѣла на меня именно такимъ взглядомъ. Я первую минуту просто смутился. Мгновенье передъ этимъ она лежала передо мной обнаженная и я совершенно спокойно смотрѣлъ на нее, на красивую линію ея тѣла, которое такъ безпомощно откровенно лежало передо мной. А теперь я чувствовалъ нелѣпую неловкость только оттого, что на груди разстегнулась слегка рубашка и я могъ видѣть часть ея нѣжной розовой груди.

Отдавъ необходимыя распоряженія относительно больной, я вышелъ въ сосѣднюю комнату, тамъ меня подхватили родители и я имъ объяснилъ, что необходима операція; что она пустяшная, только дать улечься воспаленію. И вотъ тутъ я имѣлъ глупость, просто глупость согласиться сдѣлать операцію амь. Видите

ли, для нихъ казалось немислимымъ, чтобы я, тотъ хирургъ, помощи котораго добивались всѣ и съ большимъ трудомъ, могъ бы не дѣлать операціи ихъ Лелечкѣ. Ну, да, я согласился. А это было глупо, ахъ, какъ это было глупо!“ Профессоръ склонилъ голову на столъ и нѣкоторое время молчалъ. Послѣ, выпрямившись, онъ снова налилъ себѣ стаканъ и выпилъ залпомъ. — „Эхъ, да что тутъ мямлить, все равно всѣ знаютъ объ этомъ“, — проговорилъ онъ уже совершенно нетвердымъ голосомъ. „Ну, да! Ее перевезли ко мнѣ въ клинику. За два дня до операціи, я ее только мелькомъ видѣлъ. Я былъ страшно занятъ. А 2 августа была назначена операція. Какъ всегда, я ждалъ въ операціонной. Она сама взошла, а съ нею мои ассистенты, одинъ для хлороформа, два для операціи. Сестры милосердія спяли съ нею халатикъ, въ которомъ она была. Ей косу заплели, и она казалась совершенно дѣвочкой. Еще я ей сказалъ: „Не бойтесь, Олечка, черезъ десять минутъ все будетъ кончено“. А она мнѣ улыбнулась, такъ довѣрчиво. Послѣ ее стали усыплять, это продолжалось недолго. Она заснула, и сестры привычнымъ движеніемъ сняли ей рубашку. Въ ту минуту, какъ я начиналъ операцію, я былъ совершенно спокоенъ. У насъ вѣдь профессиональная способность смотрѣть на тѣло, какъ на трупъ, который мы когда-то оперировали въ клиникѣ, въ Университетѣ. Я хорошо помню, какъ я сдѣлалъ первый надрѣзъ, а ассистентъ быстро сталъ раздвигать ткани. А послѣ я помню только одно мгновеніе. Мнѣ

Олечка предстала въ другомъ видѣ. Я вдругъ вспомнилъ ея взглядъ и рука моя задрожала. Мнѣ сказали послѣ, что будто Олечка не выдержала хлороформа, но это неправда! Я знаю, что я ее зарѣзалъ. Вы понимаете? Я... Э, да что тутъ долго толковать,“ — опять повторилъ онъ и съ размаху опустилъ голову на столъ.

Полковникъ нѣкоторое время посидѣлъ молча. Затѣмъ заговорилъ, но, видя, что профессоръ не отвѣчаетъ, тихонько удалился. Уходя, онъ видѣлъ, какъ на фонѣ далекаго моря выдѣлялась отчетливо бѣлая голова профессора.

Нѣсколько дней полковникъ не приходилъ. А когда пришелъ, профессоръ припалъ его съ обычной любезностью и, такъ какъ онъ молчалъ о своемъ разсказѣ, то и полковникъ не рѣшился о немъ заговорить.



МШЕНІЕ



Возвращается князь Болховской въ Петербургъ уже старикомъ. Глядитъ въ окно вагона на знакомыя названія станцій и невольно мыслями переносится на двадцать пять лѣтъ назадъ, когда уѣзжалъ онъ отсюда, какъ ему казалось, навсегда.

Въ тепломъ отдѣленіи международнаго вагона онъ одинъ. Дверь закрыта и никто не прерываетъ теченія его мыслей.

Не былъ онъ тогда тѣмъ старикомъ съ сѣдыми гладко причесанными волосами и, пушистыми бѣлыми усами, котораго видитъ въ зеркало, висящее напротивъ. Молодъ онъ былъ и жизнь ему улыбалась.

Желанья не было, которое не осуществилось бы просто, какъ въ волшебной сказкѣ.

Другіе хотятъ богатства, а онъ съ дѣтскихъ лѣтъ не считалъ денегъ, а послѣ смерти отца сталъ единственнымъ наслѣдникомъ одного изъ крупнѣйшихъ состояній Россіи.

Здоровье? Онъ въ молодости расточалъ его безжалостно, но и теперь старикомъ онъ себя чувствуетъ бодрѣ многихъ своихъ сверстниковъ.

Онъ до тридцати лѣтъ уже испыталъ все, чѣмъ могутъ манить человѣческія страсти. Одно его имя дало ему положеніе, а въ дальнѣйшемъ открыло ту дорогу, которая довела его до высшихъ ступеней.

Тогда же онъ полюбилъ и въ первый разъ ему показалось, что счастье отъ него отвернулось.

Ему, избалованному успѣхомъ женщинъ свѣта и кабаковъ, показалось даже забавнымъ, что маленькая Кэтти Горская не плѣнилась имъ при первой же встрѣчѣ.

Вѣдь вниманіе, которымъ онъ, князь Болховской, удостоилъ дочь друзей его отца, должно было наполнить ихъ счастьемъ. Онъ предложилъ ей все, свой титулъ, свое богатство.

И онъ не ошибся! Родители увидали въ этомъ небывалую милость Провидѣнія къ ихъ Катюшѣ, но что могли они подѣлать, если эта семнадцатилѣтняя, черноглазая дѣвочка, до того никогда не высказывавшая своего мнѣнія, вдругъ опредѣленно заявила, что не желаетъ этого блестящаго жениха.

Они слишкомъ ее любили, чтобъ принуждать, и съ искреннимъ огорченіемъ принесли князю ея отвѣтъ.

Была ли съ его стороны любовь настоящая, или прихоть? Или невозможность дѣлала желаніе болѣе сильнымъ и острымъ?

Даже теперь, вспоминая это чувство, князь Болховской не можетъ дать себѣ отчета. Онъ помнитъ только хорошо, что вся жизнь въ то время показалась ему пустой и безцѣльной, что всѣ мысли его сосредото-

лись вокругъ этой дѣвушки, такъ смѣло и небрежно однимъ словомъ отклонившей его предложеніе.

Нелѣпнымъ кошмаромъ проносятся картины безшабашнаго кутежа послѣдующихъ мѣсяцевъ, когда онъ въ туманѣ оргій старался уничтожить ея образъ.

Утромъ разъ, когда спалъ онъ еще послѣ безумной и пьяной ночи, съ трудомъ добудился его камердинеръ Францъ. Доложилъ, что Горскій проситъ его принять по серьезному дѣлу.

Ярко помнитъ князь Болховской это утро.

Надѣлъ онъ красный бухарскій халатъ свой и пришелъ въ кабинетъ, гдѣ ждалъ Горскій.

Тяжелая голова, соображаетъ плохо!

Вексель?.. Сто тысячъ?.. Срокъ?.. Безчестье?..

Горскому пришлось два раза свое дѣло повторить, пока князь его понялъ.

Да, онъ, Горскій, обращается къ сыну своего покойнаго друга съ просьбой его выручить, спасти даже. Черезъ два дня срокъ его векселя въ сто тысячъ, а все, на что надѣялся онъ для уплаты долга, какъ на зло, не вышло. Обращаться больше некуда!

Но для Болховского это пустяки! Неужели онъ не поможетъ?

Первымъ движеніемъ Болховского было исполнить просьбу. Протянулъ онъ даже руку къ звонку, управляющаго вызвать.

Но въ это время въ мозгу его, еще вчерашнимъ виномъ отуманеннымъ, промелькнула мысль о Кетти.

А потомъ?..

Морщится старикъ, вспоминая эту минуту, брезгливо поджимаетъ породистыя губы.

Потомъ было циничное предложеніе...

Покраснѣло лицо Горскаго, жилы у него на лбу надулись. Но сухо и прямо повторяетъ Болховской свою мысль.

Тестю своему помогать онъ будетъ счастливъ, но семьѣ, оскорбившей его, князя Болховского, нѣтъ!

— „Это ваше послѣднее слово, князь?“ — спросилъ его Горскій.

Первый разъ назвалъ онъ его на Вы и княземъ. Болховской только головой качнулъ.

Хотѣлъ видно Горскій что-то добавить, да сдержался. Только рукой за воротъ схватился.

Ушелъ, какъ будто пьяный.

Вскочилъ со своего мѣста Болховской, удержать хотѣлъ, взять обратно гнусныя слова свои, а будто кто-то на ухо шепталъ: „брось, оставь, такъ надо!“

Не позвалъ онъ Горскаго, только швырнулъ тяжелый подсвѣчникъ съ письменнаго стола прямо въ зеркало венеціанское, что на стѣнѣ висѣло. Въ дребезги разлетѣлось стекло зеркальное, а князь и не взглянулъ даже въ ту сторону. Вызвалъ камердинера, приказалъ себя одѣть и весь день пропадалъ у цыганъ, до поздней ночи.

Когда подъ утро домой вернулся, подаль ему Францъ письмо и доложилъ, что господинъ Горскій два раза заходилъ.

Распечаталъ князь письмо, а когда прочиталъ, даже хмѣль изъ головы выскочилъ,

Помнить Болховской это письмо.

— „Милостивый Государь, князь Артемій Николаевичъ,“ — прочиталъ онъ, — „имѣю честь увѣдомить Васъ, что я сообщилъ моей дочери Екатеринѣ о чести, которую Вы намъ оказали, прося ея руки, и что дочь моя предложеніе Ваше принимаетъ“.

Развѣ это не было судьбой?

И стыдно какъ-то стало Болховскому въ ту минуту и вмѣстѣ радостно. Хотѣлъ тотчасъ же къ Горскимъ ѣхать, да вспомнилъ, что ночь на дворѣ. А все равно спать ему не хотѣлось.

Такъ всю ночь въ кабинетѣ прѣсидѣлъ.

Утромъ поѣхалъ къ Горскимъ. Раньше въ магазины заѣхалъ, корзину цвѣтовъ послалъ и жемчужное ожерелье отъ Фаберже.

Приняли его у Горскихъ любезно, но холодно. Безразлично ему это было. Спросилъ, гдѣ Кэтти и она къ нему вышла.

Попросилъ онъ тогда разрѣшенія поговорить съ ней наединѣ.

Блѣдна была Кэтти, слишкомъ ярко горѣли черные глаза, но спокойно и даже свысока на князя смотрѣла.

Болховской слова свои вспоминаетъ, что онъ сказалъ ей тогда.

— „Кэтти, можетъ быть въ душѣ вы меня безчестнымъ считаете. Я далъ себѣ слово добиться вашего согласія всѣми доступными мнѣ средствами. Когда-нибудь вы поймете, что любовь толкнула меня на это“.

Ничего она не отвѣтила, только больше поблѣдѣла. Взявъ онъ ея руку, холодную и дрожащую, и поцѣловалъ.

Искренно говорилъ князь тогда, отъ сердца.

Такъ женихомъ сталъ.

Послѣ жизнь его съ молодой княгиней.

Вспоминаетъ князь первые счастливые дни.

Безпомощной, испуганной въ его рукахъ была Кэтти.

Сама не понимала, что съ ней происходитъ.

А ему казалось, что высшего счастья онъ достигъ. Только мучило, что грустна молодая жена, будто тоскуетъ. Потомъ и это прошло. Стала опять весела и беззаботна.

Позднѣе вспоминалъ Болховской, что въ минуты особенной его нѣжности мелькали въ черныхъ глазахъ ея какіе-то огоньки не то торжества, не то насмѣшки.

На второй годъ сынъ у нихъ родился, названный въ честь дѣда Николаемъ.

Князь и сразу то, послѣ женитьбы свою жизнь измѣнилъ. Теперь же о прежнихъ кутежахъ и помину не было. Службой занялся, дѣлами, а все больше дома сидѣлъ.

А тамъ третій годъ...

Хмурить старикъ брови и даже встаетъ отъ волненія. Каждый разъ, когда думаетъ онъ объ этомъ времени, сердце начинаетъ въ груди биться, какъ молотъ, и круги красные передъ глазами появляются.

И, какъ на зло, эти дни еще ярче, еще болѣе четко вырисовываются въ памяти.

Глухо и торопливо стучать колеса, будто рассказываютъ свою скучную быль. Качается вагонъ отъ движенія и шуршитъ занавѣска окна.

Беретъ Болховской книгу, брошенную на диванъ. Въ уголь садится, внимательно читаетъ. Хочетъ отвлечь свои мысли. А они упорно и назойливо возвращаются, и все къ тому же. Кажется ему, что онъ читаетъ, а самъ вспоминаетъ прошлое.

Большой былъ тогда ударъ. И не по чувству только, по гордости онъ хватилъ. Много пришлось силы потратить, чтобы его выдержать.

Узналъ князь всю правду такъ, какъ въ бульварныхъ романахъ пишутъ. Письмо получилъ. Безъ подписи.

— „Если хотите знать всю правду про Вашу жену, прїѣзжайте въ четвергъ, днемъ изъ Министерства на квартиру присяжнаго повѣреннаго Крыжицкаго“. И тутъ же адресъ и подлое слово: „доброжелатель“.

Болховской и фамилію эту слышалъ раньше. Была на свадьбѣ его со стороны Горскихъ какая-то мелкота. Какой то былъ какъ будто съ такимъ именемъ шаферомъ у Кэтти. Но послѣ онъ его не встрѣчалъ нигдѣ и дома у него онъ не бывалъ.

Утромъ, какъ княгиню увидѣлъ, въ глазахъ потемнѣло. Казалось, убилъ бы сейчасъ на мѣстѣ и не сразу, а надглумился бы прежде надъ ея страхомъ.

А вмѣстѣ съ тѣмъ никогда красота ея не поражала его такъ, какъ въ этотъ день.

Днемъ поѣхалъ по адресу.

Большой домъ съ квартирами. За сто рублей ключъ отъ швейцара получилъ. Сперва тотъ жался, да при видѣ денегъ уступилъ.

На четвертомъ этажѣ была квартира Крыжицкаго. Добрую минуту простоялъ Болховской прежде чѣмъ рѣшился открыть дверь.

Передняя темная, маленькая. Три двери въ разныя стороны. А на вѣшалкѣ, въ углу, горностаевая накидка княгини.

Кашель услышалъ направо. Мужской.

Одного удара хватило, чтобъ сбить замокъ, на который дверь была закрыта.

А послѣ!..

На порогѣ князь стоялъ и въ комнату даже не вошелъ. И такъ видно.

Посрединѣ комнаты лицомъ къ нему раздѣтый человѣкъ, въ одномъ бѣльѣ...

А на смятой постели Кэтти. Волосы по подушкѣ разсыпались. Кружевная рубашка еле грудь прикрываетъ.

Почему онъ не убилъ ихъ тогда? На мѣстѣ. Можетъ быть было бы легче. Развѣ, что показалось князю Болховскому неумѣстнымъ руки свои замарать.

Только повернулся онъ и вышелъ. Ни слова не сказавъ. А пріѣхавъ домой, на подъѣздѣ палку свою дорогую пополамъ сломалъ.

Вечеромъ отъ жены письмо, какъ послѣдняя капля униженія.

Ни въ чемъ не оправдывалась княгиня, да и оправдываться было невозможно.

Напоминала она, какъ онъ подъ угрозой разоренія и безчестія ея отца, вырвалъ ея согласіе. Говорила, что много она отъ этого перестрадала, такъ какъ другого, этого Крыжицкаго любила. Просила забыть ее навсегда и сына Николая ей отдать. А послѣднее по той причинѣ, что сынъ Николай не отъ него, князя Болховскаго, родился, а отъ того же самаго поляка Крыжицкаго.

Что пережилъ князь послѣ этого, знаетъ только его преданный камердинеръ Францъ. Онъ одинъ имѣлъ доступъ въ кабинетъ, гдѣ два дня, запершись, просидѣлъ Болховской.

Черезъ два дня вызвалъ управляющаго. Со страхомъ тотъ шелъ, а когда взошелъ въ кабинетъ, успокоился. Князь былъ какъ всегда ровень, только не улыбался.

Было приказано всѣ вещи княгини выслать къ Горскимъ, а по поводу сына никакихъ приказаній не было дано.

Самъ князь отвѣтилъ сухо запиской, что Николай носить его фамилію по закону и воспитывать его онъ будетъ самъ.

А тамъ, черезъ два мѣсяца, когда княгиня въ Крыму была, появилось въ „Новомъ Времени“ объявленіе, что „съ глубокимъ прискорбіемъ извѣщаетъ князь Артемій Николаевичъ Болховской о смерти

малолѣтняго сына своего Николая“, и что „погребеніе состоялось въ родовомъ имѣніи Красныя Горы.“

Уѣхалъ князь въ скорости изъ Петербурга, получивъ назначеніе въ Лондонъ, а разводъ его адвокаты провели безъ него.

Все это вспоминается теперь Болховскому, когда онъ черезъ двадцать пять лѣтъ жизни за-границей, въ первый разъ, возвращался на родину. Безцѣльной, поломанной прошла его жизнь: Не радовала его карьера, которая удалась, ни успѣхъ, которымъ онъ пользовался въ чужихъ странахъ. Долгіе годы также сѣро и монотонно пронеслись, какъ шумъ однообразный поѣзда, который везетъ его въ Петербургъ.

Вотъ онъ и пріѣхалъ.

Кто-то встрѣчаетъ, привѣтствуетъ.

Князь повторяетъ фразы и слова, которыя онъ повторялъ всю жизнь, жметъ чьи-то руки и проходитъ по длинному перрону на крыльцо.

Снѣгъ. Морозно. Скрипятъ полозья саней.

— „Здравствуй“, говоритъ Болховской старому швейцару, встрѣчающему у подѣзда, и бѣлый, какъ лунь, Федоръ отвѣчаетъ, какъ будто князь только вчера уѣхалъ, — „Здравіе желаю, Ваше Сіятельство.“

Все по старому, ничего не измѣнилось въ домѣ.

Видно съ утра до вечера работали надъ чисткой, да ремонтомъ, какъ телеграмма пришла.

Въ кабинетъ проходитъ князь.

На порогъ останавливается, нахмурившись.

Во всю стѣну виситъ портретъ княгини Екатерины Марковны.

Въ первый же годъ была написана лучшимъ столичнымъ художникомъ. Выступаютъ бѣлыя плечи и руки тонкія изъ бальнаго платья. Улыбаются полуоткрытыя губы. Черные глаза смотрятъ, какъ бывало раньше, торжествующе.

— „Почему не вынесли“, сухо спрашиваетъ князь и не слушаетъ даже оправданья трепетнаго Петра Максимыча, управляющаго, какъ собака преданнаго.

— „Чтобъ сегодня этого больше не было“, бросаетъ онъ и идетъ дальше.

Весь день былъ занятъ. По дѣламъ пришлось ѣздить, въ ресторанѣ обѣдалъ, только подъ вечеръ домой вернулся.

На серебряномъ подносѣ подаетъ лакей кучу карточекъ визитныхъ. Будто весь городъ пріѣзжалъ привѣтствовать.

Но и это не развлекло.

Приказалъ никого не принимать, переодѣлся въ домашнее платье, мягкое, просторное, настоящее стариковское и велѣлъ позвать въ библіотеку Петра Максимыча.

— „Садитесь“, говоритъ князь и рукой указываетъ сперва на кресло, а потомъ на папиросы въ мраморной коробочкѣ.

Морозъ на дворѣ. Но хорошо грѣютъ старыя голландскія печи. Въ большомъ каминѣ съ княжескимъ гербомъ весело огонь горитъ, а четыре лампы стоячія по угламъ съ индійскими фигурами даютъ свѣтъ мягкій и теплый.

— „Давно мы васъ не видѣли, Ваше Сіятельство“, рѣшается Петръ Максимовичъ молчаніе прервать.

Князь какъ будто очнулся.

— „Да, давненько“, отвѣчаетъ и самъ закуриваетъ.

Послѣ, насупившись.

— „Вы знаете что нибудь о ней?“ спрашиваетъ, а самъ смотритъ въ сторону.

Лицо управляющаго выражаетъ смущеніе. Видно боится онъ, что не понялъ вопроса, а вмѣстѣ и не отвѣчать страшно.

— „Про кого Ваше Сіятельство изволите спрашивать?“

Князь презрительно улыбнулся. Теперь онъ смотритъ прямо ему въ лицо.

— „Я про бывшую жену мою изволю спрашивать. Расскажите, что вы о ней знаете“.

Запинаясь сперва, а потомъ смѣлѣе начинаетъ тотъ рассказывать, съ самаго начала, а Болховской угрюмо слушаетъ, только когда онъ останавливается, подгоняетъ отрывисто — „дальше!“

И узналъ князь Болховской, что скоро послѣ развода вышла замужъ княгиня Екатерина Марковна за своего любовника, присяжнаго повѣреннаго Крыжицкаго, что поселились молодые въ Петербургъ и живутъ они тутъ и теперь счастливо и въ довольствіи.

Что сталъ этотъ Крыжицкій виднымъ человѣкомъ и всѣми въ Петербургъ уважаемъ.

Узналъ онъ, что и дѣти у нихъ имѣются отъ

второго брака и что старшая дочь, уже годъ прошелъ, какъ замужъ вышла.

Все это слушаетъ князь и невольно сравниваетъ свою собственную жизнь, одинокую, съ этимъ счастіемъ не смотря на все, не смотря на преступленіе.

Только одно имя заставляетъ его удивленно переспросить: —

— „Какъ вы сказали? За кого она замужъ вышла?“ —

— „За Куратова, Ваше Сіятельство“, отвѣчаетъ тотъ, — „пріемнаго сына покойнаго Павла Сергѣевича“.

Князь рѣзко кресло свое отодвигаетъ. Встаетъ.

— „За Куратова“, повторяетъ онъ и странно звучить его голосъ.

Плохо спитъ эту ночь князь Болховской, хоть съ дороги усталъ и удобно лежать въ широкой мягкой постели дѣдовской спальни. Навязчивыя мысли роятся въ головѣ его.

Долго не тушить свѣтъ и пристально смотреть, какъ будто въ первый разъ видить рѣзныя дубовыя двери и темный шелкъ гардинъ оконныхъ.

— „Ужели опять судьба!“ — вдругъ громко спрашиваетъ и отъ мысли этой ему смѣяться хочется.

\*  
\* \*

Въ богатой квартирѣ живетъ присяжный повѣренный Вацлавъ Александровичъ Крыжицкій. Повезло ему въ жизни, да и самъ онъ видно былъ съ царемъ въ головѣ.

Давно уже онъ считается однимъ изъ лучшихъ столичныхъ адвокатовъ, а вмѣстѣ со славой пришло и богатство.

И съ женой своей Екатериной Марковной живетъ онъ хорошо и счастливо.

Давно забыла бывшая княгиня Болховская прежнюю свою жизнь и все, что довелось ей испытать. Кажется теперь прошлое нехорошимъ, тяжелымъ сномъ, а когда вспомнится онъ ненарокомъ, то гонить она его прочь.

Одно только забыть ей нельзя. Это перваго сына Николая.

Все ей кажется, что она виновата въ его смерти. Какъ будто послѣднимъ письмомъ своимъ она его убила.

Какъ прочитала въ газетѣ о смерти его, изъ Крыма въ Петербургъ пріѣхала. Чуть съ горя не заболѣла, такъ убивалась.

Подробности смерти узнать хотѣла. Мужу своему даже написать рѣшилась.

Вернули ей письмо обратно и сообщили, что князь Болховской за границу уѣхалъ, а молодой князь отъ воспаления легкихъ померъ.

Много лѣтъ съ тѣхъ поръ прошло. Новая жизнь началась съ ея радостями и волненіями и старое горе въ сторону отошло.

Трудно было бы узнать въ Екатеринѣ Марковнѣ Крыжицкой, всегда спокойной и разсудительной, прежнюю Кэtti Болховскую. Трехъ дѣтей послалъ ей Господь отъ второго брака и старшая Лизанька вылитая мать.

Все для счастливой жизни было.

Все-жъ порой, отъ мужа скрываясь, боясь огорчить его, плачетъ она о своемъ первенцѣ и забыть его не можетъ!..

А жизнь своимъ чередомъ проходить.

Вотъ уже годъ, какъ выдала она свою Лизаньку замужъ и не нарадуется.

Зятя своего Николая Куратова хорошо она знала. Былъ онъ пріемнымъ сыномъ Павла Сергѣевича Куратова, а его она встрѣчала часто раньше и у отца своего покойнаго и у перваго мужа, князя Болховского.

Когда разошлась она съ княземъ, то первые годы старыхъ знакомыхъ своихъ стала избѣгать, такъ и Павла Сергѣевича лѣтъ десять не видала.

Встрѣтилась потомъ случайно и возобновила знакомство.

Узнала она, что имѣется у Павла Сергѣевича сынъ пріемный. Говорили кумушки, что это родной его сынъ отъ одной красавицы актрисы, любви его единственной. Что скончалась эта красавица, жизнь своему сыну давши. Такъ толковали, но никто правды не зналъ.

Увидала Екатерина Марковна Коленьку Куратова, когда тому четырнадцать лѣтъ было, и сразу его полюбила. Стала она Павла Сергѣевича уговари-

вать къ нимъ сына своего пускать, благо Лизанька только на два года моложе. Но Куратовъ не захотѣлъ ея просьбу исполнить. Объяснилъ, что мальчика ни къ кому не пускаетъ.

Послѣ встрѣтила она его снова уже на похоронахъ Павла Сергѣевича, черезъ нѣсколько лѣтъ. Ударъ его схватилъ. Сына своего онъ въ завѣщаніи не забылъ, все состояніе свое оставилъ, а имя его по Высочайшему повелѣнію дали.

Позвала его тогда къ себѣ Екатерина Марковна и сталъ онъ у нихъ бывать часто.

А тамъ полюбились Куратовъ и Лизанька и уже годъ, какъ поженились. Чего бы лучше?

Все это приходитъ въ голову Екатеринѣ Марковнѣ и почему то особенно сегодня, когда ѣдутъ они всей семьей въ Маріинскій театръ на балетъ, гдѣ давно у нихъ свой абонементъ имѣется.

Свѣтло въ театрѣ. Ярко блестятъ на голубомъ фонѣ свѣтлыя одежды женщинъ, мундиры и фраки мужчинъ.

Много у Крыжицкихъ знакомыхъ. Все время приходится Вацлаву Александровичу кланяться, а самой Екатеринѣ Марковнѣ улыбаться любезно.

Но сегодня у нея улыбка, какъ будто напряженная, черезъ силу. Что-то стѣсняетъ ее, связываетъ ея движенія.

Молодые Куратовы съ ними, тутъ же въ ложѣ. Они веселы и беззаботны. Своею любовью счастливы.

Во время перваго антракта сидитъ Екатерина

Марковна одна въ ложѣ. Мужъ курить пошелъ, а дѣти въ коридорѣ гуляютъ.

Разсѣянно осматриваетъ она залу и вдругъ вздрагиваетъ, невольно откидывается въ глубину ложи.

Нѣтъ, это онъ! Она узнала его сразу. Это князь Болховской стоитъ, опираясь о балюстраду оркестра и говоритъ съ какимъ то генераломъ.

Давно она его не видала. Старикомъ онъ сталъ, но ошибиться она не можетъ.

Дочь возвращается въ ложу.

— „Тебѣ нездоровится, мама“, говоритъ она съ тревогой, — „ты такъ поблѣнѣла!“

— „Нѣтъ, ничего“, отвѣчаетъ она, а сама боится посмотреть въ сторону Болховского.

Чувствуетъ, что онъ на нее смотритъ. Не выдержала Екатерина Марковна этой пытки. Когда занавѣсъ снова подняли, говоритъ мужу, что чувствуетъ себя плохо. Домой уѣзжаетъ.

— „Я знаю, что тебя разстроило“, немного смущенно говоритъ Вацлавъ Александровичъ.

Екатерина Марковна испуганно на него смотреть. „Ты его видѣлъ?“ — спрашиваетъ.

— „Мнѣ его показали“, отвѣчаетъ онъ, а затѣмъ беретъ ея руку и цѣлуетъ. — „Что ты волнуешься? Двадцать пять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ. То, что случилось сегодня, должно было произойти когда-нибудь. Мы не въ лѣсу живемъ и безъ встрѣчъ не обойдемся“.

— „Онъ на долго пріѣхалъ?“

— „Не все ли тебѣ равно“, съ досадой говоритъ Крыжицкій.

Не успокоили Екатерину Марковну слова мужа. Какое-то предчувствіе не даетъ ей спать всю ночь, а днемъ ей приходится лечь, такъ она расхворалась.

Молодые Куратовы пріѣхали ее повидать и обѣдать остались.

Ихъ посѣщеніе ее развлекло. Привезла Лизанька работу свою. Шила она разныя дѣтскія бездѣлушки и сама ими умилялась.

Радовало ее сознаніе, что черезъ три мѣсяца будетъ паряжать въ нихъ ожидаемаго ребенка.

На другой день встала Екатерина Марковна здоровой и по крайней мѣрѣ съ виду успокоилась.

Опять въ прежнюю свою жизнь вошла, будто ничего не было.

Нѣсколько дней прошло и даже разговора въ домѣ не было о Болховскомъ.

И вотъ тогда-то, когда ей казалось, что она совсѣмъ ужъ о немъ и думать перестала, принесли ей какъ-то утромъ большой конвертъ.

Сразу узнала она почеркъ и, какъ въ театрѣ, вся похолодѣла. — „Вотъ, когда начинается“, невольно думаетъ.

Долго конвертъ не раскрываетъ, какъ будто разглядываетъ замысловатый княжескій гербъ на печати.

Потомъ дрожащими пальцами конвертъ надрываетъ сбоку. Оттуда падаетъ толстый листъ синей бумаги.

Съ трудомъ читаетъ. Въ глазахъ рябитъ.

. А письмо и простое и вмѣстѣ непонятное.

— „Милостивая гусударыня“, — написано въ немъ, — „по причинамъ исключительно важнымъ, какъ для Васъ, такъ и для меня, я покорнѣйше прошу назначить мнѣ часъ и мѣсто, гдѣ я могу Васъ увидѣть. Вашъ покорный слуга Болховской“.

Мужа въ то время дома не было. Не съ кѣмъ было посоветоваться.

Прочитала она письмо второй разъ и опять не поняла. Что черезъ двадцать пять лѣтъ сказать ей хочетъ князь!

Вадлавъ Александровичъ только къ обѣду вернулся.

Молча протянула она письмо ему.

Надѣлъ Крыжицкій очки свои въ золотой оправѣ. Тоже два раза читаетъ, одинъ разъ про себя, а другой разъ громко.

— „Что это значить“, — спрашиваетъ Екатерина Марковна.

— „Самъ, Катя, не понимаю“, отвѣчаетъ мужъ. — „Но какія бы ни были наши отношенія, долженъ признаться, что письмо корректное. Слишкомъ большой человекъ князь Болховской, чтобы не отвѣчать ему на письмо“.

— „Я не хочу его видѣть“, говоритъ Екатерина Марковна.

— „Нельзя безъ отвѣта оставить“, снова повторяетъ Крыжицкій и задумывается. Видно мучается онъ, что рѣшить. Не можетъ присяжный повѣренный

Крыжицкій отказаться отъ мысли, что большое значеніе имѣеть князь въ Петербургѣ и что раздражать его не годится. Мелькнула даже мысль уговорить жену повидать его, да посмотрѣлъ на лицо ея и побоялся вслухъ свою мысль повторить.

— „Вотъ, что мы сдѣлаемъ“, вдругъ радостно говоритъ онъ. — „Я пошлю ему письмо самъ и скажу, что ты нездорова. Если же онъ хочетъ вмѣсто тебя со мной говорить, то я къ его услугамъ“.

— „Хорошо“ соглашается Екатерина Марковна, но сама не знаетъ согласна ли она въ душѣ съ этимъ рѣшеніемъ.

Письмо самъ Крыжицкій составилъ.

Съ одной стороны почтительное во вниманіе къ высокому положенію князя, а съ другой стороны съ соблюденіемъ собственнаго достоинства.

И стали ждать отвѣта. А отвѣтъ не замѣшкался. Написалъ князь Болховской, что хотя дѣло касается непосредственно Екатерины Марковны, но, въ виду ея нездоровья, онъ ничего не имѣетъ противъ переговорить съ ея мужемъ и принять его можетъ въ четвергъ въ четыре часа у себя.

— „Ну что же, завтра и поѣду“, облегченно вздыхаетъ Крыжицкій.

\* \*  
\*

Вацлавъ Александровичъ ровно въ четыре часа дня подѣхалъ на своемъ автомобилѣ къ сѣрому дворцу Болховскихъ, что стоитъ на Набережной.

Безпокойство жены невольно передалось и ему. Чувствует онъ, что волнуется отъ предстоящаго свиданія и самому досадно это волненіе.

Въ большомъ своемъ кабинетѣ принялъ его князь Болховской.

Большая комната, а кажется еще больше отъ четырехъ сплошныхъ оконъ, выходящихъ на Неву.

Стѣны завѣшены восточными тканями, а на нихъ знаменитая во всемъ мірѣ коллекція оружія.

На полу медвѣжьи шкуры и бухарскіе ковры.

Князь стоитъ у письменнаго стола, во весь ростъ выпрямившись. Еле кланяется и рукой указываетъ на кресло передъ письменнымъ столомъ.

Садится Крыжицкій, садится и князь. Минуту молчитъ, будто обдумываетъ, что сейчасъ скажетъ. Съ виду, какъ всегда, ровень, только длинными пальцами лѣвой руки, съ большимъ изумруднымъ перстнемъ перебираетъ какія-то бумаги.

— „Наша встрѣча довольно неожиданная, признаться, оригинальна“, говоритъ онъ, цѣдя слова сквозь сжатые губы, „но то, что мнѣ надо было сказать Екатеринѣ Марковнѣ, столь важно, что думается мнѣ, вы сами поймете необходимость настоящаго разговора“.

Крыжицкій молча наклоняетъ голову.

Не встрѣчались они уже двадцать пять лѣтъ послѣ того, какъ засталъ князь Болховской свою жену у него на квартирѣ. Стариками сидятъ они другъ передъ другомъ, всю жизнь свою пережив-

шими, а видитъ Крыжицкій, что жива еще ненависть къ нему князя.

Но молчить, ждать дальнѣйшихъ объясненій.

— „То, что я хотѣлъ сообщить вашей супругѣ“, продолжаетъ тотъ, тѣмъ же голосомъ, „естественно покажется вамъ въ первую минуту невѣроятнымъ. „Но, тутъ князь презрительно усмѣхается, „Въ жизни часто случаются событія невѣроятныя, въ дальнѣйшемъ легкообъяснимыя“.

Плавнo течетъ рѣчь Болховского. Видно сразу, привыкъ человѣкъ за жизнь свою всевозможныя рѣчи держать.

И слушаетъ его Крыжицкій внимательно, боясь шевельнуться. Захватилъ его рассказъ князя.

Говоритъ князь Болховской о томъ, какъ послѣ разрыва съ женой своей, узнавъ о незаконности рожденія сына Николая, рѣшилъ онъ въ безуміи своей ярости, младенца этого погубить, чтобы не смѣлъ незаконно носить старое его имя.

— „Но Господь избавилъ меня отъ преступленія“, говоритъ онъ дальше и даже оскѣняетъ себя крестомъ.

— „Нашлись добрые люди, которымъ я сына вашего поручилъ. Считали всѣ, что онъ умеръ, но онъ и дѣйствительно умеръ для другихъ, такъ какъ получилъ новое имя отъ пріемныхъ родителей.“

— „Онъ живъ?“ — прерываетъ его Крыжицкій и даже съ кресла своего встаетъ.

Князь не отвѣчаетъ сразу, будто не рѣшается тайну свою обнажить, а потомъ спокойно бросаетъ:

— „Да.“

— „Но, гдѣ же этотъ мальчикъ, какъ его найти,“ снова спрашиваетъ Крыжицкій.

Князь встаетъ въ свою очередь и говоритъ, отчеканивая каждое слово.

— „Всѣ эти свѣдѣнія я могу передать только лично Екатеринѣ Марковнѣ, если вы найдете нужнымъ поставить ее въ извѣстность о нашемъ разговорѣ.“

— „Князь“, вдругъ говоритъ Крыжицкій и голосъ его дрожитъ отъ волненія: „можетъ быть нѣтъ необходимости ей видѣться съ вами. Даю вамъ слово, что я въ точности все ей передамъ. Но это волненіе можетъ слишкомъ измучить...“

— „Къ сожалѣнію я больше ничего не могу вамъ добавить“, сухо обрываетъ князь и немного наклоняетъ голову.

Крыжицкій видитъ, что дальнѣйшій разговоръ бесполезенъ. Мертвой маской смотритъ на него лицо князя и нельзя прочитать на немъ ни чувства, ни желанія.

Тогда онъ кланяется и уходитъ.

А когда дверь за нимъ закрывается, князь Болховской долго еще стоитъ на одномъ мѣстѣ, смотритъ ему вслѣдъ и усмѣхается.

\* \* \*

Идетъ присяжный повѣренный Крыжицкій домой и самъ не понимаетъ, приснился ли ему этотъ разговоръ съ княземъ, или дѣйствительно онъ происходилъ.

Все кругомъ по старому. Шуршитъ автомобиль по мерзлomu снѣгу, блестятъ освѣщенные окна сквозь синія сумерки, бѣжитъ по улицѣ толпа обычная, спѣша по своимъ дѣламъ

И никому нѣтъ дѣла до того, что происходитъ у него на душѣ.

Одна жена, какъ только увидала его, входящаго домой, сердцемъ поняла, что произошло изъ ряда выходящее.

Измучилась она за то время, какъ онъ былъ у князя. Мѣста себѣ не находила. То у окна стоитъ и въ сумерки глядитъ, автомобиль его высматривая, то садится въ сторонку, а сама все прислушивается, не ѣдетъ ли.

По звонку его узнала и выбѣжала на встрѣчу въ переднюю.

— „Ну, что? говорить, а сама въ глаза смотреть съ тревогой.“

Онъ на нее посмотрѣть не рѣшается. Самъ не знаетъ, хорошія, иль дурныя вѣсти привезъ.

Молча прошелъ въ кабинетъ свой, не такой какъ у Болховского, а все же нарядный.

Екатерина Марковна за нимъ слѣдитъ, сердце свое рукой придерживая, какъ будто боится, что выскочить оно наружу.

— „Странную вещь сообщилъ мнѣ Болховской,“ — говоритъ Крыжицкій неувѣреннымъ голосомъ, — „главное, Катя, не волнуйся. Ничего страшнаго нѣтъ. Сказалъ онъ мнѣ, что сынъ его живъ.“

Закружилась голова у Екатерины Марковны и, как снопы, упала; успѣлъ Крыжицкій только подхватить ее, а то головой бы ударилась о полъ.

А какъ очнулась, схватила мужа за руку и прерывающимъ голосомъ стала спрашивать.

— „Онъ сказалъ, что онъ живъ! Гдѣ же онъ? Гдѣ?“ —

Нахмурился Крыжицкій. Жалѣеть онъ сейчасъ, что неосторожно, не подумавши рассказалъ все женѣ. Не ожидалъ онъ, что такъ приметъ она это извѣстіе.

— „Слушай, Катя,“ — говоритъ онъ твердо, — „боюсь я, что хочетъ этотъ человѣкъ надъ тобой посмѣяться. Отомстить тебѣ за прошлое. Можетъ быть неправду онъ сказалъ мнѣ. Ужъ очень все невѣроятно. Хочетъ заставить тебя съ нимъ повидаться. А для чего? Боюсь самъ подумать.“

Вспыхнула Екатерина Марковна отъ этихъ словъ. Прежняя гордость въ ней заговорила.

— „Не боюсь я его, какъ и тогда не испугалась!“ — говоритъ она и даже глаза загорѣлись молодымъ блескомъ. — „Да и быть не можетъ, чтобы для такой мести захотѣлъ меня увидѣть Болховской. Нѣтъ, я чувствую, ты понимаешь, чувствую, что не смѣялся онъ надъ тобой! Не бойся за меня,“ — продолжаетъ она, видя, что мужъ ея какъ-то задумался, — „пойми! Если живъ мой Николенка, значить, совѣсть заговорила въ Болховскомъ. Не сердись, мой любимый, я плачу отъ радости. Вѣдь это нашъ сынъ, нашъ первый! Развѣ ты самъ не хочешь увидать его скорѣе!“ —

Видитъ Крыжицкій, что не въ состояніи отговорить ее отъ этого свиданія. Уговорилъ онъ только ее не ѣхать сегодня, а дождаться завтрашняго дня.

На это пришлось ей согласиться. Но слова его, оскорбившія ея гордость, она припомнила и не согласилась она, чтобы Крыжицкій провожалъ ее къ князю.

Рѣшила, что поѣдетъ она къ Болховскому одна прямо во дворецъ на другой день утромъ.

Объ этомъ сообщилъ Крыжицкій князю по телефону.

\* \*  
\*

Въ этотъ день рано всталъ князь Болховской. Странную въ себѣ чувствовалъ онъ бодрость и голова была какъ то особенно свѣжа.

Тщательнѣе обыкновеннаго приказалъ онъ выбрать свои выхоленные щеки и подбородокъ, бѣлые усы приказалъ слегка подвить, а сѣдую голову свою спрыснулъ крѣпкими англійскими духами.

Какъ на торжественный случай нарядился.

Вышелъ онъ изъ своей комнаты въ синемъ, особеннаго отлива, костюмѣ, съ высокимъ крахмальнымъ воротникомъ, подпирающимъ голову и даже самодовольно улыбнулся, взглянувъ, на себя въ зеркало.

Какъ будто на десять лѣтъ сталъ моложе.

Послалъ приказанье Федору, швейцару, что какъ пріѣдетъ одна барыня, тотчасъ провести ее въ угловую гостинную и ему доложить.

Послѣ пошелъ къ себѣ въ кабинетъ.

Узкимъ длиннымъ ключомъ открываетъ отдѣльный ящикъ въ письменномъ столѣ и вынимаетъ старый портфель.

Всегда возить его съ собою князь, за всю жизнь не разставался.

Изъ портфеля вытаскиваетъ связку бумагъ разныхъ, кладетъ ихъ на столъ и задумывается.

Знаетъ князь, что вся его прошлая жизнь въ этихъ пожелтѣвшихъ отъ времени и пыли листкахъ. Нерѣшительно развязываетъ тонкую тесемку, которой онъ самъ уже много лѣтъ назадъ перетянулъ ихъ.

По очереди, какъ лежали, ихъ перечитываетъ.

Первымъ, сверху, письмо анонимное.

Внимательно, какъ будто первый разъ, читаетъ князь. Но не вызвало оно прежняго безудержнаго гнѣва. Только въ сторону отбросилъ. Гадливо!

Потомъ письмо Екатерины Марковны.

Неразборчиво написано. Видно спѣшила она наконецъ бросить ему въ лицо все, что передумала.

Но это письмо князь помнить хорошо, каждое слово ему понятно.

Когда доходитъ до мѣста, гдѣ говоритъ она о сынѣ, злая усмѣшка кривитъ ему губы.

Отталкиваетъ письмо въ сторону. Отдѣльно. Потомъ цѣлый рядъ писемъ. Это сообщали адвокаты о ходѣ развода. Ихъ онъ не читаетъ.

Затѣмъ номеръ „Новаго Времени“. Черный, траурный ободокъ на первой страницѣ.

Тоже кладетъ въ сторону. Къ письму.

Послѣ большой листъ почтовой бумаги въ четверо сложенный. Весь исписанный, съ двумя гербовыми печатями въ концѣ.

Этотъ листъ Болховской читаетъ внимательно, иногда останавливается въ чтеніи и одобрительно качаетъ головой.

Прочитавши также кладетъ къ письму.

Потомъ еще нѣсколько писемъ, фотографическая карточка. На карточку только посмотрѣлъ и усмѣхнулся.

Туда же кладетъ.

Все остальное собираетъ быстрымъ движеніемъ и прячетъ обратно въ портфель, а портфель бросаетъ въ ящикъ.

А отобранное кладетъ въ карманъ и встаетъ.

Уже одиннадцать часовъ на большихъ стоячихъ часахъ въ углу и князь провѣряетъ время по своимъ карманнымъ плоскимъ, золотымъ.

Но въ это же время дверь отворяетъ старый Францъ.

Лицо у него всегда спокойное. Теперь выражаетъ полную растерянность.

И князь это замѣчаетъ и усмѣхается.

— „Что“? — спрашиваетъ онъ, самъ хорошо зная отвѣтъ.

— „Въ угловой гостиной дама ожидаетъ, ваше Сіятельство“, говоритъ Францъ.

— „Знаю, хорошо“, говоритъ князь, а самъ медлитъ итти.

Странное чувство онъ ощущаетъ. Будто наклонился онъ надъ самой пропастью и глаза зажмуриль, такъ тянетъ его внизъ.

Нарочно еще задержался.

Къ зеркалу подошелъ. Поправиль бѣлый платокъ носовой въ боковомъ карманѣ.

А потомъ черезъ зеркальную площадку лѣстницы, уже нигдѣ не останавливаясь, прошелъ прямо въ угловую гостинную.

Екатерина Марковна обернулась, когда онъ вошелъ. Она не сѣла, его ожидая, стояла у камина.

Темные круги подъ глазами отъ бессонной ночи, еще большими кажутся ей черные глаза.

Въ простомъ темномъ костюмѣ, въ мѣховой шапочкѣ.

Отъ мороза, или отъ волненія щеки порозовѣли.

Горить жарко натопленный каминъ, отъ него по всей комнатѣ тепло идетъ, а ей холодно.

Подошелъ князь и поклонился.

Послѣ выпрямился и прямо ей въ лицо посмотрѣлъ.

Не протянула она ему руки и поклона даже не отдала. Только отъ взгляда его краска негодованія прилила къ ея лицу и безъ слѣда исчезло первоначальное смущенье.

Откинула голову назадъ, какъ тогда, когда дѣлалъ онъ ей предложеніе.

— „Князь“, говоритъ она и голосъ ея звучитъ почти, какъ приказаніе, „вы сказали моему мужу, что мой сынъ живъ. Скажите, гдѣ онъ?“

Болховской дѣлаетъ шагъ назадъ. Не такой думалъ онъ застать ее здѣсь. Испуганной и блѣдной увидѣлъ онъ ее въ театрѣ при первой встрѣчѣ. И у него нерѣшимость пропадаетъ. Въ душѣ опять поднимаются прежнія злобныя чувства.

— „Разговоръ будетъ длинный, такъ не лучше ли намъ сѣсть“, говоритъ онъ съ едва уловимой ироніей и придвигаетъ ей кресло.

Но она не сдается.

— „Я пришла къ вамъ не для разговора“, отвѣчаетъ она вызывающе. — „Вы сказали моему мужу, что только мнѣ сообщите, гдѣ мой сынъ. И я для этого здѣсь“.

Два раза, какъ будто нарочно, упомянула она про своего мужа и каждый разъ это слово, какъ пощечина ударяетъ князя.

Забываетъ онъ на минуту протекшіе годы. Кажется ему, что только наканунѣ видѣлъ онъ ее раздѣтую въ постели Крыжицкаго.

Но по старой привычкѣ себя сдерживаетъ. Только жилы около глазъ задрожали отъ напряженія.

— „Я предлагаю вамъ сѣсть“, говоритъ онъ. Голосъ его звучитъ глуше, но также ровно. — „Я знаю, что я говорилъ господину Крыжицкому, поэтому предупреждаю, что разговоръ будетъ длиннымъ“.

Тогда она садится.

Спокойнымъ голосомъ повторяетъ князь то, что говорилъ Крыжицкому. Будто не замѣчаетъ волненія Екатерины Марковны.

И опять, когда доходить до того же мѣста, останавливается и небрежно играетъ изумруднымъ своимъ перстнемъ.

— „Это неправда“, вдругъ кричитъ Екатерина Марковна, — „онъ умеръ“.

Князь улыбається и отъ его улыбки ей дѣлается холодно.

— „Я никогда не лгу. Даю вамъ честное слово, что онъ живъ“.

— „Тогда скажите, гдѣ онъ“, опять кричитъ она. Грудь ея высоко поднимается отъ волненія.

Онъ снова пристально на нее смотреть. Вздвѣшиваетъ ея чувства.

— „Я совѣтую вамъ не настаивать на этомъ“, говоритъ онъ — „много времени прошло съ тѣхъ поръ“. Она еще не успѣваетъ отвѣтить, но онъ по лицу ея видитъ, что терпѣніе ея истощилось. Тогда, останавливая этимъ ея негодующее возраженіе, онъ добавляетъ: — „Я это исполню при одномъ условіи“.

— „Говорите“, едва слышно отъ волненія, отвѣчаетъ та.

Князь вынимаетъ взятые съ собой бумаги и, какъ ей кажется, умышленно спокойно ихъ разобравши, подаетъ ей ея письмо.

— „Вы это помните“?

Она опускаетъ голову отъ неожиданнаго воспоминанія пережитаго стыда. Слишкомъ много думала она объ этомъ, чтобы забыть.

— „Намъ никогда“ не пришлось говорить о его содержаніи“, продолжаетъ онъ иронически, „и не объ

этомъ я хочу говорить теперь. Мнѣ надо только знать, передъ тѣмъ, чтобы отвѣтить на вашъ вопросъ, что то, что вы написали здѣсь о вашемъ сынѣ, правда?”

Еще ниже опускаетъ Екатерина Марковна свою голову. Отъ этого вопроса воспоминаніе о прошломъ встаетъ передъ ней во весь ростъ и отъ остраго стыда кружится голова ея.

— „Это мое условіе“, безжалостно холодно повторяетъ князь Болховской.

Тогда то же чувство безконечнаго возмущенія овладѣваетъ ею, возмущеніе, которое ощутила она тогда, когда писала свое письмо.

Она встаетъ со своего мѣста, свысока на князя глядя, бросаетъ съ ненавистью:

— „О, вы можете быть совершенно спокойны! Это правда!“

Она думала его смутить, но князь только поблѣднѣлъ немного, получивъ то же оскорбленіе и на этотъ разъ прямо въ лицо.

— „Вы правы, я совершенно спокоенъ“, говоритъ онъ надменно. — „Я благодарю васъ безконечно за вашу откровенность и плачу вамъ тѣмъ же“.

Онъ протягиваетъ ей остальные бумаги и она съ невольнымъ ужасомъ на нихъ смотритъ, не понимая.

— „Вотъ всѣ бумаги, которыя относятся до сына господина Крыжицкаго“, говоритъ онъ.

Наконецъ она понимаетъ его слова и почти вырываетъ бумаги изъ его рукъ.

И, когда она, путаясь, перебираетъ дрожащими руками эти старые человѣческіе документы, онъ встаетъ и, нахмурившись, слѣдитъ за ней.

Вдругъ она вскрикиваетъ и онъ даже вздрагиваетъ отъ ея неожиданнаго крика.

Она стоитъ передъ нимъ и бумаги выпали. изъ ея рукъ и, шурша, падаютъ на коверъ.

Ея глаза расширились и въ нихъ ужасъ.

Лицо бѣло, какъ скатерть, и губы шевелятся. Хотятъ что-то сказать и не могутъ.

Наконецъ онъ слышитъ ея хрипъ: „это ложь!“

Онъ поднимаетъ упавшіе листки и говоритъ холодно:

— „Вотъ письменное согласіе покойнаго Павла Сергѣевича Куратова. Въ немъ онъ далъ мнѣ свое слово сдѣлать такъ, что никто не узнаетъ происхождение его пріемнаго сына. Здѣсь его подпись и печать гербовая. Я приложилъ свою въ обѣщаніе, что никогда не предъявлю къ нему права свои. Вотъ одно изъ его писемъ, въ которомъ сообщаетъ, какъ удалось устроить все дѣло. Вотъ фотографія, когда вашему сыну было пятнадцать лѣтъ. Вы его лучше знаете, но и я его видѣлъ и могу сказать, что сходство большое. Вамъ мало этихъ доказательствъ?“

Она не отвѣчаетъ, но каждое слово падаетъ на нее раскаленнымъ желѣзомъ.

— „Нѣтъ, это невозможно, это чудовищно“, повторяетъ безсознательно,

Вдругъ вскрикиваетъ снова и закрываетъ лицо руками. Но неожиданная мысль молніей озаряетъ ея воспаленный мозгъ.

Она подходитъ къ князю.

— „Князь“, говоритъ она и умоляюще на него смотритъ: — „скажите, что это не такъ. Это чересчуръ ужасно, чтобы быть правдой. Это была пытка съ вашей стороны. Вы отомстили за прошлое. Но не мучьте больше. Будьте великодушны, князь, я на колѣняхъ васъ умоляю“. Она падаетъ на колѣни и ползетъ къ его ногамъ. — „Будьте великодушны“, повторяетъ, захлебываясь отъ рыданій.

Но онъ отступаетъ на шагъ и отворачивается, не выдерживая ея взгляда.

Тогда она встаетъ и ужасная правда стоитъ передъ ея глазами во всей безобразной своей наготѣ.

Этотъ Николай, этотъ Коля, котораго она такъ любила, это ея сынъ. Потерянный и въ безуміи найденный.

Ея мысли работаютъ упорно и возстановливаютъ его образъ. Теперь она узнаетъ его, она видитъ въ немъ давно забытыя черты.

А Лиза? Лиза съ ея счастьемъ и надеждами! Лиза и Николай!

Падаетъ она въ кресло и головой бьется о высокую рѣзную спинку.

И слышитъ князь Болховской ея рыданья.

Скатилась съ головы ея мѣховая шапочка, выбились изъ прически пряди волосъ съ сѣдиной. А она этого не видитъ.

Ей кажется, что она ослѣдла, такой духовный мракъ окуталъ ее сразу.

Но какой-то голосъ и чужой, и знакомый заставляетъ ее прислушиваться.

— „Кэтти“, говоритъ князь и его голосъ странно нѣженъ.

— „Успокойся, выслушай меня!“

Онъ сидитъ рядомъ въ креслѣ и руку ея держитъ въ своихъ рукахъ.

И отъ тепла его прикосновенія, отъ нѣжности его голоса невольная отрада проходитъ по душѣ ея, какъ будто баюкаетъ.

Сидитъ она полузакрывши глаза свои и не можетъ сдержать своихъ слезъ и онѣ свѣтлыми бисерами каплютъ съ темныхъ рѣсницъ.

Отъ слезъ ей легче.

— „Связала судьба насъ, чтобы мы мучили другъ друга“, говоритъ князь, — „и не будетъ конца нашимъ мученіямъ. То, что я пережилъ когда-то, переживаешь теперь ты и въ сто разъ больше. Чѣмъ мнѣ оправдываться? Я хотѣлъ тебѣ отомстить за изломанную жизнь мою, а теперь и самъ не радъ, что удалась моя месть. Не зналъ я за-границей, что сдѣлалось съ твоимъ сыномъ и, узнавши, я подумалъ, что эта судьба мнѣ дала въ руки оружіе. Кэтти, моя бѣдная! Судьба отомстила за меня суровѣе, чѣмъ я самъ думалъ. И кажется мнѣ, что и сейчасъ я былъ лишь слѣпымъ ея орудіемъ. Слушай, Кэтти! Былъ я виновенъ передъ тобой по любви моей къ тебѣ, отомстила ты мнѣ великой своей ненавистью. И

ненависть твоя толкнула меня невольно на теперешній путь. Я повторяю, самъ я не радъ, что по пути этому пошелъ. Но сдѣланнаго не измѣнишь“.

Спокойно говоритъ князь, но сердцемъ чувствуетъ Екатерина Марковна, что силой искренности звучать его слова. И довѣрчиво лежитъ рука ея въ его рукахъ.

А князь говоритъ дальше.

— „Прошлаго не воротишь! Наше съ тобой было преступленіе, пусть и нашимъ будетъ искупленіемъ. Только наше, Кэтти!“

— „Прости меня, Артемій“ вдругъ говоритъ она и лицомъ своимъ отъ слезъ мокрымъ припадаетъ къ его рукѣ. Не отымаетъ своей руки князь Болховской. Смотритъ на склоненную передъ нимъ голову, гдѣ серебрятся уже сѣдые волосы, и тяжелая скорбь овладѣваетъ имъ.

Замѣняетъ эта скорбь и ненависть его прошлую и старое оскорбленіе.

И тихимъ голосомъ онъ отвѣчалъ ей:

— „По человѣчески прощаю тебя, Кэтти, все, что ты мнѣ сдѣлала. Прости и ты меня.“

Подняла Екатерина Марковна заплаканное лицо свое и обняла трепетными руками наклоненную передъ нимъ голову старика.

И понялъ князь, что все она прощаетъ.

Тогда, тихо освободившись отъ ея объятій, онъ встаетъ.

Спокойны и увѣренны его движенія.

Беретъ онъ всѣ бумаги и карточку фотографіи-

ческую, ни секунды не колеблется и бросает все въ каминъ. Ярко вспыхиваетъ пламя. Тонкими злыми языками лижетъ пожелтѣвшіе листки. Дымятся и корчатся сургучныя гербовыя печати.

— „Кэтти“, говорить онъ и подходить къ ней, „многое я далъ бы, если бъ могъ также легко уничтожить прошлое въ сердцахъ нашихъ“.

— „А будущее?“ говорить Екатерина Марковна и снова ужасъ въ глазахъ ея, устремленныхъ на князя. — „Артеміѣ, а дѣти ихъ!“ —

— „Господь смилуется надъ ними,“ отвѣчаетъ онъ и самъ склоняетъ свою голову.

— „Я умру, Артеміѣ,“ тихо говорить Екатерина Марковна.

И на это ничего не можетъ отвѣтить князь. Понимаетъ онъ, что кончилась ея жизнь. Что легче ей уйти отъ будущаго, чѣмъ переживать его.

Трепещутъ каминъ и шуршатъ обугленные листки бумаги, корчась и сжимаясь, и легкимъ сѣрымъ пепломъ падая наконецъ внизъ.

Смотритъ князь Болховской, не сводя съ нихъ своего взгляда, и качаетъ по стариковски сѣдой своей головой.

А рядомъ замерла въ тяжелыхъ безотрадныхъ мысляхъ своихъ Екатерина Марковна.

И глядятъ на нихъ сверху старыя картины и портреты въ тяжелыхъ, позолоченныхъ рамахъ и тихо просачивается въ окна сѣрый зимній день.

SiÈVRES.

9-го января 1921 года.



**АББАТЪ КОЛОНЪ**



(Эта рукопись была найдена во время великой французской революціи въ архивѣ одного Доминиканскаго монастыря. Послѣднія страницы рукописи были утрачены, на первой страницѣ сырость наложила пятна, смѣшавшія фразы. Поэтому нельзя указать годъ, когда рукопись была написана, и имя автора. Повидимому пишетъ зажиточный горожанинъ, который въ формѣ письма обращается къ своему сыну. Написана крайне неразборчиво на старомъ французскомъ языкѣ. Нашъ трудъ состоялъ въ разборѣ этой рукописи и въ переводѣ. Ничего не внесено своего, поэтому всѣ неясности и кажущіяся неточности должны быть отнесены къ настоящему автору).

... если это суждено Всевышнимъ, то пусть исполнится Его воля. Но я хочу, сынъ мой, чтобы вы знали бы причину моего несчастья, дабы уберечь себя и своихъ близкихъ... моимъ родителямъ, которые по своей старости уже не могли съ прежними заботами слѣдить за разросшимся дѣломъ...

... Я встрѣчалъ Агнессу, когда она была еще дѣвушкой, и ея красота, въ первый же разъ, какъ я ее увидѣлъ, поразила и встревожила мое сердце. Изъ оконъ нашего дома, которыя выходили на улицу, ведущую въ соборъ, я иногда видѣлъ, какъ Агнесса со служанкой, а иногда съ отцомъ, могущественнымъ графомъ де Латуръ, который въ то время былъ губернаторомъ, отъ имени нашего короля, прѣзжалъ по праздникамъ, чтобы присутствовать на богослуженіи. Сквозь рѣшетку окна я видѣлъ ея веселое лицо, которое иногда случайно бывало обращено въ сторону нашего дома. Теперь я знаю, что дьяволъ внушилъ мнѣ ту преступную страсть, которой суждено было погубить мое тѣло, а если Господь не смилуется видя мое раскаяніе, то и мою душу. Я бы никогда, не рѣшился сказать кому нибудь тѣ безумныя мысли которыя приходили иногда въ голову, да и если бы я, рѣшился, то вѣроятно сочли бы меня сумасшедшимъ или глупымъ. Поэтому я тайлъ отъ всѣхъ мои чувства, которыя находили себѣ выходъ въ томъ, что мнѣ удавалось или видѣть Агнессу въ церкви, или устроиться такъ, чтобы быть при выходѣ ея на паперть. Но, увы, Агнесса никогда не замѣчала меня, а если замѣчала, то едва ли запоминала мое лицо. Какое дѣло было знатной и могущественной графинѣ до человека, не только никогда не носившаго шпаги, но и не умѣвшаго ею владѣть. Такъ прошло нѣсколько лѣтъ, въ теченіи которыхъ умеръ мой отецъ и моя матушка передала въ мои руки всѣ наши дѣла. Моей матушкѣ хотѣлось, чтобы я женился, для чего она

указала мнѣ на красивую и достойную дочь члена магистрата нашего города Трошона, съ которымъ былъ друженъ мой отецъ. Но моя страсть была сильнѣе моего сыновняго долга и я рѣшительно отказался, чѣмъ болѣзненно огорчилъ мою матушку и обидѣлъ отца дѣвицы, ставшаго съ той минуты моимъ врагомъ.

Приблизительно въ то же время я познакомился съ аббатомъ Колонъ, который до того путешествовалъ и былъ даже у гроба Господа Нашего въ Палестинѣ. Аббатъ Колонъ былъ назначенъ викарнымъ въ церкви Св. Духа, куда ходила обычно моя матушка, и черезъ послѣднюю и завязалось наше знакомство. Трудно описать наружность этого чловѣка, почти столь же трудно, какъ не ошибиться, если сказать, сколько ему лѣтъ. Съ виду онъ былъ еще молодой чловѣкъ, лѣтъ тридцати. Въ волосахъ, окружающихъ его тензуру, не было ни одного сѣдого волоса и глаза его, которые обычно были опущены, горѣли молодостью. Но повидимому аскетическая, полная подвиговъ жизнь, наложила отпечатокъ на его лицо, которое было и блѣдное и худое.

Меня поразило въ аббатѣ Колонъ его удивительная проникательность и знаніе людей, которыя сразу обратили на него вниманіе прихожанъ нашей церкви и скоро старый аббатъ Гремущъ увидѣлъ, что онъ лишился большей половины своихъ исповѣдующихся. Нѣсколько разъ аббатъ Колонъ говорилъ со мной и, хотя ни разу не касался вопросовъ, наполнявшихъ мое сердце, все же мнѣ казалось, что ему все из-

вѣстно. И странно, это былъ единственный человекъ, который, казалось мнѣ, могъ бы со мной говорить объ этомъ.

Однажды мнѣ пришлось по дѣламъ сдѣлать большое путешествіе, причемъ я побывалъ и въ Парижѣ. Уѣзжалъ я съ тяжелымъ сердцемъ и, хотя разнообразіе дороги, а главное зрѣлище столицы, которой я раньше не видалъ, меня развлекало, я стремился скорѣе вернуться домой. Однако путешествіе мое продолжилось гораздо больше, чѣмъ я предполагалъ, и я пробылъ въ отсутствіи около четырехъ мѣсяцевъ. Удовольствіе, которое я испытывалъ при возвращеніи, еще усиливалось тѣмъ, что всѣ мои дѣла окончились благополучно и я могъ порадовать матушку крупнымъ барышомъ. Дѣйствительно матушка осталась очень довольной моими дѣйствіями и мы сѣли за обѣдъ, который намъ подала наша старая служанка. Мнѣ лично хотѣлось узнать, что дѣлается въ городѣ и главное, что съ Агнессой, но я понималъ, что послѣдняго я спросить не могу прямо, чтобы не возбудить вполнѣ понятнаго подозрѣнія. Поэтому мнѣ пришлось ограничиться общими вопросами, надѣясь среди нихъ узнать что-либо меня интересующее. Такъ и вышло, какъ я предполагалъ. Матушка стала рассказывать о городскихъ новостяхъ и тутъ совершенно неожиданно сообщила, что въ мое отсутствіе Агнесса вышла замужъ за маркиза де-Рамюзъ. Вы себѣ представите, мой сынъ, мое отчаяніе и горе. Повидимому мое настроеніе отозвалось на моемъ лицѣ, такъ какъ матушка обезпokoилась и спросила, здоровъ ли я. Мнѣ

удалось ее успокоить, но послѣ обѣда я тотчасъ же вышелъ изъ дома. Ярость бушевала въ моемъ сердцѣ и самыя отчаянныя предположенія и мысли врывались въ мою душу. Въ такомъ настроеніи мнѣ пришло въ голову пойти къ аббату Колонъ и я быстрымъ шагомъ пошелъ по узкой улицѣ, ведущей къ церкви св. Духа.

На одномъ изъ поворотовъ, почти рядомъ съ домомъ отца той дѣвицы, которая была мнѣ предназначена, мнѣ пришлось посторониться. Кавальеада дворянъ со слугами быстро проѣзжала, не обращая вниманія на прохожихъ, въ страхѣ разбѣгавшихся. Къ вящей моей ярости въ числѣ другихъ я узналъ и маркиза де-Рамюзъ, который ѣхалъ съ веселымъ, довольнымъ видомъ. Изъ-за утренняго дождя на улицѣ была грязь, которая брызгала во все стороны изъ подъ копытъ лошадей. Я думаю, что мое положеніе, притаившагося у стѣны, вызвало смѣхъ молодыхъ дворянъ, которые громко шутили, указывая другъ другу на меня. Когда они проѣхали, я поднялъ случайно голову и увидѣлъ въ окнѣ лицо отца дѣвицы, который также насмѣшливо глядѣлъ на происходящее. Еще съ большей досадой въ душѣ я надвинулъ на лобъ свою шляпу, запахнулъ плащомъ и быстро пошелъ дальше.

У дверей дома, гдѣ жилъ аббатъ, я остановился, запыхавшись, но послѣ рѣшительно взялся за молотокъ, висѣвшій на веревкѣ, и нѣсколько разъ ударилъ имъ по двери. Черезъ минуту ожиданья дверь отворилъ самъ аббатъ, который видимо удивился моему

приходу, но, ничего не сказавъ, ввелъ меня къ себѣ.

Комната, куда я вошелъ, была рабочимъ кабинетомъ. Вдоль стѣны стояли шкапы, полные книгъ. Большое черное распятіе, но безъ распятаго Спасителя, висѣло на стѣнѣ. Какія-то странной формы бутылки, стеклянные шары на подставкахъ и другіе предметы стояли вездѣ и на полу, и на столѣ. На послѣднемъ, за которымъ до моего прихода повидимому занимался самъ аббатъ, лежала большая книга въ толстомъ переплетѣ изъ хорошей свиной кожи. Аббатъ усѣлся также молча на кресло у стола, посадивъ меня напротивъ на стулъ. Не знаю движимый какими чувствами, но я тотчасъ безъ предисловія разсказаль аббату все, что я думаль послѣдніе годы, и то, что узналь сегодня. Онъ улыбнулся на мои слова. — „Сынъ мой“, — сказаль онъ — „скажете, чѣмъ я могу вамъ помочь?“ — Я, конечно, не зналь, чѣмъ онъ можетъ мнѣ помочь, и аббатъ, видя мое смущеніе, снова улыбнулся и сказаль. — „Объясните, въ чемъ выражается ваше чувство къ этой прекрасной дамѣ. Вы хотите ее увидѣть?“ Я отвѣтилъ, конечно, утвердительно. — „Можетъ быть“, — продолжалъ онъ, — „вамъ хотѣлось бы быть около нея?“ — Я пожалъ плечами. Вѣдь я зналь, что это невозможно. — „Кто знаеть“, — загадочно сказаль аббатъ. Видя мое удивленное лицо, онъ немного помолчалъ и сказаль мнѣ. — „Видите ли, сынъ мой, я можетъ быть сумѣль бы вамъ помочь и сдѣлать то, что вамъ кажется теперь невысказаннымъ. Хотите ли вы находиться въ замкѣ маркиза де Рамюзъ, видѣть вашу

прекрасную даму и больше того — стать сразу ея самым вѣрнымъ и близкимъ другомъ?“ — Я добрый католикъ, и такое предложеніе показалось мнѣ колдовствомъ, но аббатъ расхохотался и, указывая на распятіе, а затѣмъ на свою сутану, отвѣтилъ. — „Колдовства и дьявола въ моемъ предложеніи нѣтъ и я не собираюсь губить вашу душу. Все, что я сдѣлаю, будетъ основано на знаніи, которое я имѣю съ помощью Божьей. Я никому не предложилъ бы того же, кромѣ васъ, къ которому я чувствую особенную симпатію“. — „Чтоже мнѣ надо дѣлать?“ спросилъ я, наполовину убѣжденный его словами. Аббатъ Колонъ не сразу мнѣ отвѣтилъ. Онъ прошелся по комнатѣ и, казалось, забылъ о моемъ присутствіи. Но остановившись вдругъ передо мной, онъ поднималъ на меня свои глаза и пристально посмотрѣлъ на меня, какъ будто что-то обдумывая. Послѣ онъ сказалъ: — „Да, я думаю опытъ удался“. — Затѣмъ онъ прибавилъ: „Идите домой и приходите ко мнѣ сегодня вечеромъ. Предупредите вашу добрую матушку, что будете нѣкоторое время отсутствовать, потому что можетъ пройти недѣля, пока вы вернетесь“. Если бы я зналъ, что меня ожидало, то, конечно, я бы отказался. Но страсть заставила меня все забыть и я ушелъ, обѣщавъ вернуться вечеромъ.

Матушкѣ мнѣ удалось благополучно объяснить, что по моимъ дѣламъ мнѣ вечеромъ надо уѣхать въ Тулонъ, гдѣ жилъ нашъ одинъ компаніонъ. Весь день, я почти не думалъ о томъ, что мнѣ предстоитъ, но только наступили сумерки, я пошелъ той же улицей къ церкви св. Духа.

Аббатъ Колонъ встрѣтилъ меня, какъ днемъ, но повидимому остался очень доволенъ моимъ приходомъ. Введя меня въ ту же комнату и дождавшись, когда я усѣлся, онъ сѣлъ въ свое кресло и, помолчавъ, началъ слѣдующимъ образомъ говорить. — „Я опять повторяю, мой сынъ, что я не предлагаю вамъ помочь при помощи колдовства. Напротивъ, все мое знаніе я получилъ отъ людей, боящихся Бога, поэтому не слѣдуетъ опасаться за свое вѣчное спасеніе. Но если вы согласны и хотите исполнить свое желаніе, то выслушайте мои объясненія, чтобы нѣкоторые послѣдующія обстоятельства въ будущемъ васъ не смущали.“ Я кивнулъ головой въ знакъ согласія и аббатъ, поправивъ фитиль маслянной лампы, пламя которой мигало и тухло, продолжалъ:

— Могущественная и прекрасная дама, полонившая ваше сердце, сынъ мой, которая теперь супруга маркиза де-Рамюза, рыцаря и капитана нашего короля, въ настоящее время живетъ въ замкѣ своего супруга, который, вы, конечно, знаете. То, что я могу вамъ предложить въ настоящее время, это оказаться въ замкѣ маркиза и даже больше быть при ней и имѣть право быть къ ней ближе, чѣмъ кто либо. Подождите. Я принужденъ васъ предупредить, что сама маркиза не будетъ знать о вашемъ присутствіи и ни разу не усумнится въ васъ. Поэтому отъ васъ будетъ зависеть поставить себя въ такое положеніе, чтобы не встревожить ея мысли, что естественно могло бы вовлечь васъ самихъ въ тяжелое положеніе. Вы должны ничему не удивляться и все

принимать за должное, повторяю, все, что произойдетъ въ дальнѣйшемъ. Теперь, предупредивъ васъ въ главнѣйшемъ, я снова васъ спрашиваю, согласны ли вы идти на это?" — Моя голова кружилась отъ волненія, вызваннаго его словами, но все же мысль увидѣть Агнессу, цѣной какихъ угодно условій, казалась мнѣ столь желанной, что я воскликнулъ, — „клянусь вамъ, что я готовъ на все и ничто меня не устрашить.“ Аббатъ Колонъ положилъ мнѣ руку на плечо и снова сказалъ — „И вы никогда не будете сѣтовать на то, что я вамъ предлагаю?“ — „Нѣтъ, никогда,“ отвѣтилъ я рѣшительно. — „Хорошо, пусть будетъ такъ,“ сказалъ онъ.

Дальнѣйшее, что произошло, осталось не яснымъ для моей памяти. Я помню, что аббатъ тотчасъ же началъ передвигать какіе-то сосуды, потомъ посадилъ меня въ кресло, гдѣ онъ сидѣлъ самъ до того. Затѣмъ онъ принесъ какую-то облатку, которую сказалъ мнѣ съѣсть. Я исполнилъ его желаніе безпрекословно и на вкусъ облатка показалась мнѣ сладкой и особенно пряной. Послѣ этого, насколько я помню, аббатъ Колонъ посоветовалъ мнѣ удобнѣе сѣсть, вытянуть ноги и положить руки спокойно на колѣни. Затѣмъ неожиданно стало темно и я понялъ, что потухла маслянная лампа. Я сдѣлалъ движеніе головой и услышалъ сердитый крикъ аббата — „не шевелитесь“. Мнѣ невозможно точно сказать, какъ долго я находился безъ движенія, но черезъ нѣкоторое время, когда мнѣ захотѣлось снова двинуться, я почувствовалъ, что мое тѣло меня не слушается. На меня

напалъ страхъ и я хотѣлъ крикнуть, но языкъ не пошевелился и ни одного звука не вышло изъ моего горла. А вмѣстѣ съ тѣмъ я не чувствовалъ никакой боли и сознаніе мое совершенно ясно работало. Тогда я увидѣлъ аббата Колонъ. Я его сразу не узналъ. На немъ былъ длинный, бѣлый плащъ, покрытый странными узорами, которые блестѣли въ темнотѣ. Аббатъ подошелъ къ столу и поставилъ прямо передо мной чашку, полную какой-то жидкостью, которая черезъ минуту приняла свѣтящуюся фіолетовую окраску, а скоро отъ чашки сталъ подыматься не то паръ, не то дымъ. Послѣдній имѣлъ странный запахъ, напоминающій запахъ печенаго хлѣба, и, казалось, окутывалъ меня всего, проникая всюду и въ носъ, и ротъ, и въ глаза. Ощущеніе, которое я испытывалъ, трудно изобразить. Вмѣстѣ съ этимъ дымомъ мнѣ казалось, что въ меня вливается постепенно леденящій холодъ, который останавливаетъ кровь. Холодъ дѣлался все сильнѣе и сильнѣе, и я постепенно терялъ сознаніе окружающаго, пока полный мракъ не окуталъ меня совершенно. Послѣ я ничего не помню, что было. Я не зналъ, живъ ли я, или нѣтъ, и безумная тоска и раскаяніе наполняли мое сердце. Вдругъ у меня блеснула мысль объ Агнессѣ, и я тотчасъ невольно сталъ думать о ней, и эта мысль заставила меня забыть другія бушевающія меня мысли. Я одинаково не помню, сколько времени продолжалось это состояніе, какъ вдругъ мнѣ показалось, что цѣпи, стискивавшія мое тѣло, слегка разжались, и вмѣсто леденящаго холода я ощутилъ постепенно

возрастающее тепло. Я сдѣлалъ движеніе ногой, и нога оказалась свободной. Но глаза мои, повидимому, были закрыты, какъ во снѣ. Неожиданно раздавшійся веселый женскій смѣхъ привелъ меня въ сознаніе, какъ будто разбудилъ меня, и я, вздрогнувъ, открылъ мои глаза. Представьте себѣ, сынъ мой, мое удивленіе и страхъ въ ту минутѣ. Не было ни аббата Колоня, ни его рабочаго кабинета. Я сидѣлъ въ креслѣ, на мягкой подушкѣ. Вокругъ меня была комната, красиво и даже скажу роскошно убранная. Мягкій свѣтъ вливался черезъ разноцвѣтныя стекла узкаго рѣшетчатаго окна. Стѣны были увѣшаны тканями, изображающими всевозможныя картины рыцарей и дамъ, точь въ точь какія я видѣлъ въ Парижѣ въ домѣ богатаго негодіанта, съ которымъ у меня было дѣло. Высокія кресла съ искусно рѣзанными спинками стояли на коврѣ, покрывающемъ весь полъ, а на одномъ изъ нихъ я увидѣлъ Агнессу, которая смотрѣла на меня и хохотала самымъ увлекающимъ образомъ. Я тотчасъ же вскочилъ со своего мѣста, полный понятнымъ образомъ глубокаго смущенія, и первой мыслью у меня было бѣжать отсюда. Я совершенно забылъ въ ту минуту обѣщаніе, данное мнѣ аббатомъ Колонь, и я съ ужасомъ думалъ о томъ позорѣ, который мнѣ предстоитъ, когда меня вытолкаютъ отсюда. Но тутъ я услышалъ голосъ Агнессы, и первыя же ея слова повергли меня еще въ большее смущеніе. — „Ахъ, я испугала тебя, какая я глупая“, сказала она, остановивъ свой смѣхъ, — „прости меня, Элоиза, ты такъ крепко спала, что мнѣ стало смѣшно“. Я

сразу не понялъ, что Агнесса обращается ко мнѣ, и взглядомъ сталъ искать въ комнатѣ ту особу, къ которой эти слова относятся. Однако, я скоро убѣдился, что кромѣ меня никого нѣтъ. Одновременно я почувствовалъ себя стѣсненнымъ своимъ платьемъ и, бросивъ на себя взглядъ, я чуть не вскрикнулъ. На мнѣ было женское платье, красиво украшенное, причемъ толстая матерія изъ дорогого шелка, которымъ торговалъ у собора старикъ Бульи, лежала складками одинаково, какъ у Агнессы. Я невольно поднималъ руки къ волосамъ своимъ и почувствовалъ, что вмѣсто обычной моей прически длинныхъ и прямыхъ локоновъ у меня на головѣ волосы подобраны по женски и покрыты, какъ у Агнессы, высокимъ остроконечнымъ колпакомъ съ длинной вуалью. Признаюсь, что это открытіе въ первую минуту поразило меня до глубины души моей, и я стоялъ посрединѣ комнаты, боясь шевельнуться. Однако, Агнесса, видя мое смущеніе, снова беззаботно расхохоталась и, быстро подойдя ко мнѣ, ласково обняла меня и прижала свою щеку къ моей. Ощущеніе близости Агнессы было такъ пріятно, что я въ это мгновеніе забылъ свое положеніе и, совершенно не отдавая себѣ отчета, горячо обнялъ въ свою очередь Агнессу и вернулъ ей пылко ея поцѣлуй. Последнее нисколько ее не оскорбило, а напротивъ ее развеселило и какъ будто успокоило, потому что она радостно сказала — „ну, хвала нашей Мадоннѣ изъ Труа, ты совершенно проснулась. Поцѣлуй меня еще разъ, чтобы я чувствовала, что ты не спишь“. Вы понимаете,

сынъ мой, что я не заставилъ себѣ повторить ея предложеніе и столь усердно сталъ доказывать ей мое бодрственное состояніе, что Агнесса со смѣхомъ вырвалась изъ моихъ объятій, вся раскраснѣвшаяся. „Ахъ“, воскликнула она, „ты цѣлуешь меня сегодня, какъ маркизь де-Рамюзъ.“ Это имя, какъ молнія, озарило мое сознаніе, и я вспомнилъ все то, что произошло вчера и слова аббата Колонъ ярко встали въ моей памяти. Дѣйствительно, по необычайному, непонятному обстоятельству я нахожусь близъ Агнессы и моя близость ей не только не оскорбительна, но напротивъ пріятна. Аббать Колонъ исполнилъ свое обѣщаніе.

Въ это время въ комнату вошла какая-то молодая женщина, одѣтая служанкой и, нисколько не удивившись видя меня, сдѣлала глубокій реверансъ передъ Агнессой и затѣмъ сказала: „Прекрасная госпожа, могущественная и великая дама, маркиза де-Рамюзъ васъ просить прійти“. Агнесса тотчасъ же съ той же церемонностью присѣла и отвѣтила: „Скажи матушкѣ, что я сейчасъ приду“. Потомъ, когда эта женщина ушла, Агнесса сказала мнѣ, сдѣлавъ гримаску, которая очень шла къ ея оживленному лицу. — „Это такая скука. Съ тѣхъ поръ какъ уѣхалъ маркизь де-Рамюзъ, мнѣ надо каждое утро быть у его матери. Но погоди, я сейчасъ къ тебѣ вернусь“. Съ этими словами она снова быстро меня поцѣловала и вышла изъ комнаты. Оставшись одинъ, я могъ немного прійти въ себя и обдумать создавшееся положеніе. Естественнo я не могъ понять, да и теперь, видѣть

Богъ, не понимаю, что происходило со мной въ это время. Одно для меня было совершенно ясно. Волшебствомъ или иными дѣйствіями аббату Коломъ удалось не только перенести меня въ замокъ, гдѣ я находился въ настоящее время, но и измѣнить мое тѣло до такой степени, что сама Агнесса принимала меня совершенно не за того, кѣмъ былъ я въ дѣйствительности. Я не могъ даже размышлять о томъ, чѣмъ должно окончиться для меня это событіе, но мнѣ казалось, что если аббату были доступны такія явленія, то проще всего, довѣрившись ему, ожидать спокойно дальнѣйшаго и, не стремясь къ пониманію, пользоваться полученнымъ положеніемъ. Я не буду рассказывать вамъ, сынъ мой, подробности тѣхъ прекрасныхъ дней, которые я провелъ въ замкѣ маркиза де-Рамюзъ. Вамъ должно быть ясно, что, присутствуя въ замкѣ и находясь почти все время въ обществѣ моей возлюбленной, я наслаждался многими несравненными часами, о которыхъ до того могъ лишь мечтать во время бессонныхъ ночей моихъ. Изъ разговора съ Агнессой я скоро понялъ, что меня принимали за подругу ея, пріѣхавшую гостить во время отсутствія маркиза и мнѣ удалось довольно легко оставлять всѣхъ въ таковомъ заблужденіи. Последнее было тѣмъ болѣе легко, что аббату Коломъ удалось не только измѣнить мой внѣшній видъ, но придать и голосу моему оттѣнки, до того мнѣ не свойственные. Я думаю, что моя матушка, если бы ей пришлось встрѣтиться со мной, ни минуты не сомнѣвалась бы, что Элоиза де ла Виль Кантонъ не можетъ быть ея сыномъ. Такъ прошло

около шести дней, въ теченіи которыхъ моя любовь къ Агнессѣ еще больше возросла. Большимъ утѣшеніемъ и радостью было то обстоятельство, что и сама Агнесса повидимому получала наслажденіе отъ моего общества. Такъ какъ мы ночи проводили въ одной комнатѣ въ виду отсутствія ея мужа, то естественно разговоры наши невольно приняли оттѣнокъ близости и любви, насколько было доступно тому внѣшнему виду, который я принялъ. Однажды, когда Агнесса заснула въ моихъ объятіяхъ, утомленная моими ласками, а я лежалъ рядомъ съ ней, мучимый невозможностью многого, что было мнѣ недостижимо, я почувствовалъ въ груди своей тотъ же леденящій холодъ, сковавшій меня въ памятный вечеръ у аббата Колонъ. Я хотѣлъ приподняться, но, увы, было поздно. Тѣло мое снова мнѣ не принадлежало и я съ ужасомъ понималъ, что постепенно теряю сознаніе, пока глубокій мракъ не охватилъ меня со всѣхъ сторонъ. Снова я находился въ такомъ состояніи невѣстное время, и когда жизнь стала ко мнѣ возвращаться и я открылъ глаза, то увидѣлъ себя въ комнатѣ аббата Колонъ, причемъ я сидѣлъ въ креслѣ у стола въ томъ же положеніи, въ какомъ я былъ когда-то. Я быстро вскочилъ на ноги, но необычайная слабость въ ногахъ заставила меня снова сѣсть. Но при яркомъ утреннемъ свѣтѣ я могъ себя видѣть и понялъ, что снова все измѣнилось и я вернулся къ прежнему виду. Въ это время я услышалъ голосъ аббата, котораго я увидѣлъ сидящимъ предо мной. — „Сынъ мой“, сказалъ онъ съ улыбкой глядя на меня, „хорошо ли

вы спали“? — Я нѣсколько минутъ не могъ ему отвѣтить. Все, что произошло послѣдніе дни было столь ярко, я еще ощущалъ въ своихъ объятыхъ прекрасную Агнессу; ея поцѣлуи казались еще горѣли на моихъ губахъ, поэтому, помолчавъ, я воскликнулъ: „Мой отецъ, это не было сномъ“! — Аббатъ расхохотался. — „Если это не было сномъ“, сказалъ онъ мнѣ, „то какъ вы объясняете то, что было“. Я искренно отвѣтилъ, что не знаю, но повторилъ, что не могу считать сномъ то, что произошло такъ ярко. Аббатъ тогда прекратилъ смѣяться и сказалъ мнѣ очень серьезно. „Запомните, сынъ мой, если вы будете продолжать ваши утвержденія, что это все не приснилось вамъ, то васъ сожгутъ, какъ колдуна, и сожгутъ васъ во имя Божье одного, такъ какъ клянусь моимъ духовнымъ саномъ, что я заявляю передъ судомъ церкви и короля, что не знаю, о чемъ вы говорите. Теперь совѣтую вамъ итти домой и успокоиться. Помните, что вы были въ Тулонѣ по дѣламъ и устали, путешествуя шесть дней“. Я вышелъ на улицу въ настроеніи взволнованномъ и разстроенномъ. Слова аббата Колонъ подтвердили мои мысли о вмѣшательствѣ дьявола въ его дѣйствія. Я засталъ мою матушку довольной тѣмъ, что я вернулся, и мнѣ пришлось лгать ей, описывая небывалое путешествіе мое въ Тулонъ. Однако слабость, которую я почувствовалъ еще у аббата, заставила меня скоро прекратить волновавшій меня разговоръ и я, сославшись на естественную усталость, легъ въ постель.

Пришлось мнѣ проснуться черезъ нѣсколько часовъ

изъ-за неожиданнаго прихода отца дѣвицы, о которой я вамъ уже говорилъ до того. Последнее время, послѣ того, какъ я отказался исполнить желанье моей матушки, онъ прекратилъ посѣщать нашъ домъ, поэтому, когда матушка, разбудивъ меня, сказала, что онъ желаетъ меня видѣть, я быстро всталъ и сошелъ внизъ, стараясь понять причину его прихода. Но я никогда не могъ бы предугадать тотъ разговоръ, который произошелъ между нами. Онъ вошелъ съ обычнымъ своимъ, слегка надутымъ и хитрымъ лицомъ и, поклонившись мнѣ, тотчасъ же закрылъ за собой дверь и, оглядѣвши комнату, какъ будто желая удостовѣриться, что никого нѣтъ, сѣлъ на кресло, стоявшее у окна. Я сѣлъ на другое кресло, продолжая ломать свою голову, недоумѣвая, по какой причинѣ онъ пришелъ. Но первая же его фразы заставили меня подскочить отъ удивленія. Последнее будетъ понятно вамъ, мой сынъ, когда я вамъ скажу, что этотъ хитрый человѣкъ, увидя меня недѣлю тому назадъ идущимъ къ аббату Колонъ, скѣдаемый любопытствомъ изъ-за моего разстроеннаго лица, прошелъ за мною до дома, гдѣ жилъ аббатъ. Болѣе того, онъ рѣшилъ прослѣдить, что я дѣлаю въ дальнѣйшемъ, и ему удалось выяснить, что я вечеромъ вернулся туда же и до утра не выходилъ. Тогда онъ зашелъ къ моей матушкѣ, отъ которой онъ узналъ, что я уѣхалъ въ Тулонъ. Вполнѣ понятно, что его любопытство было еще болѣе возбуждено, и онъ поставился выяснить мою тайну. Это ему, увы, удалось, хотя только въ части. Воспользовавшись выходомъ

аббата Колонъ, онъ подкупилъ служанку аббата, пробрался въ его домъ, гдѣ, по его словамъ, онъ видѣлъ меня мертвымъ, лежащимъ на постели аббата. Я буду краткимъ. Теперь Трошонъ пришелъ заявить мнѣ, что собирается обвинить меня и аббата Колонъ передъ судомъ церкви и Короля въ колдовствѣ, что грозило мнѣ по закону о волшебствѣ, изданному нашимъ милостивымъ Королемъ, сожженіемъ живымъ. Мнѣ ничего не оставалось дѣлать, мой сынъ, какъ умолять его измѣнить свое рѣшеніе, и онъ согласился подъ условіемъ, что я тотчасъ же женюсь на его дочери. Я, подъ вліяніемъ всего сказаннаго, принужденъ былъ согласиться на это требованіе. Да, мой сынъ, я согласился жениться на дѣвицѣ Трошонъ, какъ-то стала вашей матерью. Я больше не видѣлъ аббата Колонъ, который скоро уѣхалъ изъ нашего города, получивъ другое назначеніе. Я же постепенно сталъ забывать все, что произошло, и послѣднее оставалось въ моей памяти скорѣе, какъ сновидѣнье, чѣмъ какъ истинное происшествіе. Я долженъ признать, что ваша мать была женщиной въ высшей степени достойной уваженія и самъ старый Трошонъ, ставши моимъ тестемъ, оказался человекомъ хорошимъ, почему я сталъ понимать ту дружбу, которая была между нимъ и моимъ отцомъ. Такъ прошло спокойно два года, въ теченіи которыхъ родились вы, мой сынъ, и я наслаждался безоблачнымъ счастьемъ. Казалось, что страсть, которая смущала мой покой, навѣки исчезла изъ моего сердца. Но Господу было угодно наказать меня за мой великій грѣхъ...

(Въ этомъ мѣстѣ рукопись сильно попорчена и частью совершенно уничтожена. Намъ удалось возстановить лишь нѣкоторыя фразы, которыя не проливаютъ свѣта на окончаніе, но по нашему мнѣнію еще болѣе затемняютъ весь рассказъ. Эти фразы представляются читателю въ томъ порядкѣ, въ какомъ ихъ удалось возстановить).

— ... если моя смерть и причинила огорченіе моей женѣ, то горе моей матушки было несравненно...

Слезы мои лились горячо и я молилъ Господа простить мое прегрѣшеніе. Положеніе мое стало столь безотраднымъ, что мысли о самоубійствѣ приходили не разъ въ мою голову, хотя каждый разъ ужасъ смерти меня останавливалъ... это чужое, ненужное мнѣ тѣло, грязное и старое казалось... проклиная аббата Колонъ и его волшебство, которое, увы, послужило поводомъ моего несчастья... Ея сердце не могло узнать меня подъ этой грубой оболочкой... Какъ тяжело и печально проходить дни. Монашеская жизнь мнѣ кажется безотрадной...

(Въ концѣ рукописи, какъ мы уже сказали, повидимому недостаетъ нѣсколько частей).

ЯЛТА.

29 октября 1918 г.



**ОШИБЛАСЬ**



„Когда я былъ на второмъ курсѣ университета, я жилъ веселой и довольно праздной жизнью чело-вѣка, никакихъ особенныхъ заботъ неимѣющаго. Состояніе мое послѣ родителей было чисто дворянское, т. е. порядочно запутанное, но имѣніе, хотя и заложенное, изрѣдка приносило, благодаря какимъ-то необычайнымъ уловкамъ стараго управляющаго Максимыча, довольно крупныя куши за луга, за какіе-то скопы, а этихъ кушей мнѣ вполне хватало, чтобы поддерживать ту жизнь, которую я велъ.

Я жилъ то въ Москвѣ у своей родной тетки бездѣтной вдовы гвардейскаго капитана, имѣвшей прелестный особнячокъ въ одномъ изъ переулковъ, около Собачьей Площадки, то у себя въ Натальинѣ, въ Калужской губерніи. Въ Натальино я пріѣзжалъ довольно часто, благо ѣзды отъ Москвы была одна ночь, и оставался тамъ подчасъ довольно долго, пока не надоѣстъ.

Были у меня по имѣнію сосѣди, у которыхъ я бывалъ часто, встрѣчаясь съ ними круглый годъ, такъ какъ большинство ихъ на зиму переезжало въ Москву и размѣщалось по переулочкамъ и закоулочкамъ Арбатской части.

Среди моихъ знакомыхъ было много хорошенькихъ женщинъ и дѣвушекъ, но о бракѣ я пока еще не помышлялъ, довольствуясь довольно платоническимъ ухаживаніемъ за барышнями, а порою менѣе платоническимъ ухаживаніемъ за дамами.

Сравнительно значительные мои успѣхи въ этой области скоро дали мнѣ небольшую долю увѣренности и самонадѣянности и часто, сидя за холостымъ обѣдомъ гдѣ нибудь въ Прагѣ, или Эрмитажѣ, я трактовалъ свободно и не безъ апломба о психологіи женской души и способахъ ея покоренія.

Однимъ словомъ я былъ молодымъ пѣтушкомъ, недавно оперившимся, но съ головой бросившимся въ тѣ удовольствія и волненія, которыя давала московская свѣтская жизнь.

Чаще всего я бывалъ въ одной семьѣ, которую я зналъ съ дѣтства, такъ какъ наши имѣнія почти соприкасались границами.

Семья была почтенная, московская, съ состояніемъ порядочнымъ, но, благодаря многочисленности своей, жила довольно скромно, стараясь въ видахъ экономіи побольше жить въ деревнѣ, до глубокой осени. Такъ какъ то, что я хочу рассказать, коснется однихъ изъ ея представителей, то называть ее я не буду, или

назову просто буквами N. N., какъ было принято въ старинныхъ повѣстяхъ.

Помимо прежней традиціонной дружбы, меня еще больше сблизило съ этой семьей то обстоятельство, что одинъ изъ сыновей былъ со мной въ университетѣ, а съ мужемъ одной изъ дочерей я былъ давно пріятелемъ. Все это создало такое отношеніе, что къ нимъ въ Москвѣ и въ деревнѣ я пріѣзжалъ совершенно запросто, какъ домой, а съ барышнями обращался, какъ съ родными, называя ихъ уменьшительными именами.

Въ 1910 году, по обыкновенію, семья N. N. оставалась еще въ деревнѣ, когда всѣ уже переехали въ городъ. Я пробылъ въ Москвѣ весь сентябрь, а въ октябрѣ мнѣ пришлось поѣхать въ Натальино.

Случилось это вотъ по какой причинѣ. Я уже сказалъ, что былъ пріятелемъ мужа одной изъ дочерей N. N. и дружба наша была спокойная и ровная, безъ сучка и задоринки. Главнымъ ея основаніемъ было то, что я являлся его сообщникомъ во время его ухаживанія за Софьей Николаевной, такъ звали его жену, ухаживаніемъ, которое не поощрялось ея родителями повидимому имѣвшими другіе виды. Тогда я ему оказалъ рядъ услугъ довольно цѣнныхъ, и онъ то, кажется, дали ему возможность благополучно завершить начатое бракомъ. Вѣроятно по этимъ причинамъ и мой пріятель, и сама Софья Николаевна относились ко мнѣ особенно дружелюбно и ласково.

У моего пріятеля была сестра, хорошенькая и веселая, звали ее Олей.

Вотъ эта то Оля являлась въ то время, говоря высокимъ слогомъ, властительницей моихъ думъ.

Я считалъ, что влюбленъ въ нее безумно, и, такъ какъ мнѣ было ясно, что чувства мои принимаются той стороною благосклонно, самыя смѣлыя рѣшенія и планы приходили въ голову. Естественно я старался всѣми способами встрѣчаться съ нею чаще, и когда я узналъ, что она предполагаетъ вмѣстѣ съ сестрой и ея мужемъ октябрь мѣсяцъ провести въ деревнѣ, то и я немедленно объявилъ моей тетускѣ, что срочные вопросы по продажѣ хлѣба вызываютъ меня въ Натальино.

Тетуска умилилась моею дѣловитости и конечно удерживать меня не стала.

Въ Натальинѣ я провелъ весь октябрь, но жилъ преимущественно у N. N. У нихъ же я довольно часто и ночевалъ.

Погода была все время отличная и мы всѣ дни проводили на воздухѣ, то устраивая шкеники, то прогулки, а въ концѣ мѣсяца, когда началась охота, мы съ ранняго утра стали пропадать изъ дома, возвращаясь лишь къ позднему ужину. Всѣ дамы были хорошія наѣздницы, а въ нашихъ мѣстахъ не было помѣщика, который не увлекался бы псовой охотой.

Дѣлался обычно сборъ, всякій пріѣзжалъ со своими сворами и удивительно красивъ былъ видъ собакъ, лошадей, передъ отъѣздомъ въ поле. А сама охота! Ну да что объ ней говорить!

Какъ и слѣдовало ожидать, на такомъ фонѣ моя любовь проходила постепенно всѣ этапы своего сущест-

вованія, съ нѣжными взглядами и недомолвками, сначала, съ продолжительными разговорами въ сѣрединѣ, гдѣ я старался выказать всю глубину своего ума, и наконецъ съ робкими встрѣчами наединѣ, гдѣ были и пожатіе рукъ и даже первые поцѣлуи.

Словомъ все шло отлично и мѣсяцъ этотъ я проводилъ превосходно. Мнѣ казалось, что всѣ смотреть на это съ сочувствіемъ и, хотя я самъ окончательнаго рѣшенія никакъ не могъ установить, втайнѣ уже рѣшили, что въ Москву мы вернемся женихомъ и невѣстой.

Особенно мила была со мной Софья Николаевна. Всегда у насъ были отношенія самыя товарищескія, а теперь стали совершенно близкими, скажу, родственными. Съ ней я рѣшался даже говорить о моихъ будущихъ планахъ и надеждахъ; она иногда серьезно ихъ разбирала, спорила, иногда надо мной посмѣивалась. Но все это мило и хорошо, такъ что послѣ каждаго такого разговора я прямо съ умиленіемъ смотрѣлъ на ея красивые, загадочные глаза, на ея тонкій профиль и на всю ея фигуру и сильную, и нѣжную въ одно время.

Уже въ концѣ октября я получилъ въ Натальинѣ телеграмму отъ тетушки. Въ ней она настоятельно требовала немедленнаго моего пріѣзда въ Москву по какимъ-то ея неотложнымъ дѣламъ. Тетушка была для меня самымъ близкимъ человѣкомъ и, какъ ни казалось грустно уѣзжать, мнѣ и въ голову не пришло ея послушаться.

Въ довольно минорномъ настроеніи я на другое утро поѣхалъ къ N. N. сообщить имъ о моемъ отъѣздѣ и проститься.

— „Какъ это кстати“, сказалъ мнѣ мой пріятель. — „Соня уѣзжаетъ также сегодня. Вотъ ты ее и проводишь“.

Это показалось мнѣ слабымъ утѣшеніемъ.

Поѣздъ уходилъ вечеромъ, но мнѣ нужно было еще вернуться въ Натальино передъ поѣздомъ, поэтому у N. N. я пробылъ немного. Все же я успѣлъ проститься съ Олей и уѣхалъ домой, унося въ своихъ воспоминаніяхъ ея нѣжный, чуть чуть насмѣшливый взглядъ и сладкую влажность ея губокъ, которыя отдались моему поцѣлюю.

На станцію я пріѣхалъ до Софьи Николаевны и, желая показаться особенно любезнымъ, купилъ въ буфетѣ бутылку шампанскаго и корзинку съ фруктами.

Софья Николаевна пріѣхала съ мужемъ, который ее провожалъ.

Разговоръ былъ общій. Пріятель мой шутилъ, что очень радъ тому, что жена его ѣдетъ не одна, а то въ дорогѣ могутъ обидѣть. Софья Николаевна казалась немного разстроенной разлукой съ мужемъ. Я думалъ объ Олѣ.

Подошелъ поѣздъ. Въ международномъ вагонѣ было довольно пусто. Софья Николаевна устроилась въ первомъ классѣ съ какой-то очень милой на видъ старушкой. Я оказался одинъ въ своемъ отдѣленіи, почти рядомъ.

До третьяго звонка Софья Николаевна стояла

на платформѣ и говорила съ мужемъ, очень трогательно, нѣсколько разъ принимаясь его крестить.

Когда поѣздъ двинулся, мы разошлись по нашимъ мѣстамъ, а затѣмъ, ожидая немного, чтобы Софья Николаевна успѣла устроиться, я захватилъ свои припасы и прошелъ къ ней.

Она приняла меня, какъ всегда, съ своей милой улыбкой, а когда я разложилъ мои фрукты и откупорилъ бутылку, оживилась и сидѣвшая тутъ старушка.

Я не помню хорошо, о чемъ мы говорили, кажется ни о чемъ особенномъ, но заговорились поздно и, когда я посмотрѣлъ на часы, было уже начало перваго. Пожелавъ покойной ночи, я вернулся къ себѣ.

Въ моемъ купѣ было уютно. Проводникъ успѣлъ уже открыть постель, а такъ какъ со мной никого не было, то поднялъ верхнюю полку.

Я быстро раздѣлся и легъ лицомъ къ двери. Въ рукахъ у меня была какая-то книга, но читать не хотѣлось; отъ выпитаго шампанскаго чуть-чуть шумѣло въ головѣ. Въ вагонѣ было сонно и тихо.

Я уже собирался тушить электричество и мирно заснуть, какъ вдругъ дверь моего отдѣленія немного открылась и я увидѣлъ Софью Николаевну. Повидимому она уже приготовилась ко сну, такъ какъ переодѣлась въ легкій голубой капотъ и волосы ея были зачесаны какъ-то иначе. Она открыла мою дверь, а я съ полнымъ недоумѣніемъ на нее смотрѣлъ. Мнѣ пришло въ голову самое простое и вмѣстѣ съ тѣмъ самое глупое объясненіе.

— „Вы ошиблись дверью?“ — спросилъ я.

Она какъ-то странно на меня посмотрѣла, потомъ покачала насмѣшливо головой и въ полголоса отвѣтила, немного растягивая слова: — „ошиблась, да, ошиблась!“ — Потомъ дверь закрылась и она исчезла.

Все это продолжалось, можетъ быть, не больше одной минуты, но когда дверь закрылась, кровь горячей волной хлынула мнѣ въ голову и дыханье какъ то замерло въ груди.

Въ ея улыбкѣ, въ этомъ странномъ, развратномъ взглядѣ мнѣ почудилось столько желанія и столько обѣщанія, что эта женщина, которую я зналъ хорошо, съ которой я былъ близокъ въ самомъ чистомъ смыслѣ этого слова, показалась мнѣ въ эту минуту желанной до сумасшествія.

Почти дрожа отъ внутренняго волненія, я поспѣшно, не находя нужныя вещи и путаясь, одѣлся и вышелъ изъ купэ.

Въ корридорѣ никого не было. Сквозь монотонный стукъ колесъ слышно было черезъ стѣнки мирное дыханіе спящихъ пассажировъ, да занавѣска у фонаря ударялась о стекло.

Осторожно я дошелъ до ея двери и остановился. Было тихо.

Если бы она была одна, я смѣло взошелъ бы къ ней, такъ какъ ясно понималъ теперь значеніе и смыслъ ея улыбки. Но въ купэ была еще старушка и взойти было нельзя.

Тогда я тихо постучалъ въ дверь. Никто не отозвался. Я постучалъ еще нѣсколько разъ и опять

безъ результата. Я рѣшилъ кашлянуть, закурилъ папирску, все напрасно. Мое положеніе становилось глупое.

Прошелъ кондукторъ, и я посторонился. Мнѣ показалось, что онъ посмотрѣлъ на меня не то подозрительно, не то сочувственно.

Тогда я вернулся къ себѣ совершенно разбитый. Я долго сидѣлъ и, оставивъ дверь открытой, прислушивался къ каждому шороху и слышалъ только стукъ собственнаго сердца.

Заснулъ я только, когда стало свѣтать, и проснулся почти въ Москвѣ.

Софья Николаевна стояла уже въ корридорѣ въ пальто и шляпѣ и разговаривала со старушкой. Увидя меня, она улыбнулась, какъ будто ничего не случилось, и спросила, хорошо ли я спалъ.

Въ Москвѣ ее встрѣтилъ братъ, она торопилась и я успѣлъ только еще разъ поцѣловать ея руку. Послѣ я взялъ извозчика и поѣхалъ къ тетускѣ.

Дѣло, по которому она меня вызвала, задержало меня дольше, чѣмъ я предполагалъ, и я прожилъ въ Москвѣ около двухъ недѣль. За это время я узналъ стороной, что вся семья N. N. вернулась въ Москву, а съ нею и Оля.

Я немного обидѣлся, что мнѣ объ этомъ не сообщили, и рѣшилъ ждать приглашенія, но прошло еще нѣкоторое время и приглашенія не послѣдовало.

Разъ я шелъ по Арбату, возвращаясь откуда-то домой, и встрѣтилъ моего пріятеля съ Олей. Я тотчасъ подошелъ къ нимъ, но и братъ и сестра такъ

странно холодно отвѣтили на мое привѣтствіе, что я остановился и долго провожалъ ихъ взглядомъ, когда они прошли.

Наконецъ, это положеніе мнѣ надоѣло и я рѣшилъ выяснить, что произошло.

Я уже говорилъ, что одинъ изъ сыновей N. N., добродушный и милый малый, былъ со мной въ университетѣ. Съ нимъ отношенія мои оставались тѣ же. Я этимъ воспользовался и разъ, завтракая съ нимъ въ Прагѣ, спросилъ его безъ всякаго предисловія: „послушай, за что всѣ твои на меня дуются?“

Этотъ вопросъ его повидимому смутилъ, но, когда я сталъ настаивать, онъ отвѣтилъ слегка запинаясь, — „видишь ли, я не знаю, что случилось, но мой зять нѣсколько разъ говорилъ при мнѣ, что сильно въ тебѣ разочаровался.“

Понятно, что никакихъ объясненій по этому поводу я не пожелалъ, но съ этого времени мои отношенія съ N. N. совершенно испортились.

„Поймите вы послѣ этого женскую душу,“ добавилъ мой другъ, рассказавшій мнѣ этотъ случай.

SÈVRES.

30-го декабря 1920 г.

## О Г Л А В Л Е Н І Е

|                               | Стр. |
|-------------------------------|------|
| Законодатели. . . . .         | 7    |
| Передъ лицомъ смерти. . . . . | 17   |
| Профессоръ . . . . .          | 37   |
| Мщеніе. . . . .               | 47   |
| Аббатъ Колонъ . . . . .       | 87   |
| Ошибласъ. . . . .             | 109  |